

ДМИТРИЙ КРАНЦ

СПАСТИ АТЛАНТИДУ

РЕЙД НА ФАЗЭТОН

18+

Дмитрий Кранц
Рейд на Фаэтон

«Автор»

2026

Кранц Д.

Рейд на Фаэтон / Д. Кранц — «Автор», 2026

Артефакт, захваченный нацистским орденом «Аненербе»(окультная организация третьего рейха), не открыл свои секреты сумрачному немецкому гению. Обычный ловец «солнечного камня», промышляющий нелегальной добычей янтаря, спасая свою жизнь от безжалостных конкурентов, случайно пробуждает спящий механизм. Искатель удачи оказывается там, где господствуют неземные города, чуждые цивилизации и забытые знания. Новые враги не знают жалости, а их мощь превосходит привычное оружие. Вооруженный военным опытом, бывший диверсант принимает этот неравный бой. Но грань между триумфом и катастрофой стирается. А на Земле опять встречаются стрельбой. Как же спасти цивилизацию Атлантиды?

© Кранц Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дмитрий Кранц

Рейд на Фаэтон

Глава 1

Тибет 1938 год

Запах от шерсти напавшего вчера на лагерь огромного человекоподобного монстра до сих пор стоял в носу. Лемке казалось, что его спутники трансформируются в родственников этого застреленного ими йети.

— Что Вы там видите, Штеффенберг? Или ваш хваленый талант ослеп? — Голос Лемке противно скрипел, как несмазанный шарнир.

Доктор физики не ответил. Он стоял на коленях на полу небольшой пещеры в безымянной горе Тибета, прижавшись лбом к грани куба. Метр на метр на метр. Янтарный монолит не отражал свет фонарей — он его глотал. Абсолют, застывший в смоле допотопных лесов. Внутри, в самой глубине его медовой толщи, что-то шевелилось. Или это были просто зрительные галлюцинации самого Штеффенберга?

— Это не просто обычный камень, — наконец прошептал ученый, не оборачиваясь. — Это непонятное чудо. Невероятное. Если мы вывезем это и предъявим его научному миру, Гейзенберг повесится на собственном галстуке.

— Гейзенберг для нас не главное. Фюрер ждёт. — Лемке сплюнул на скальное дно. Слюна мгновенно превратилась в ледяную крупицу. — Сколько людей ещё осталось? Двенадцать? Вчера этот волосатый дьявол выпотрошил бедного Ганса прямо в спальнике. Зараза. Тихо, как ночная кошка. Вы слышали, как хрустели ребра?

— Я слышал, штурмбанфюрер. — Штеффенберг наконец медленно поднялся, пошатываясь. — Ганс был всего лишь набором атомов. Как и я с вами. Но этот артефакт важнее всего, ради него можно пойти на еще большие потери в личном составе.

Физик брезгливо обошёл непонятную кучу на пути к свежему воздуху на входе.

Лемке подошел ближе к артефакту. Его рука невольно потянулась к янтарию. Прямо тащило. От камня исходило тепло. Кончики его пальцев закололо тысячью игл. В голове на мгновение вспыхнул будущий Берлин: рукопожатие с Самим. Орден. Власть, дающая право на дорогой табак и французский коньяк. Да уж. А тут пока лишь одни проблемы.

— Тащите быстрее цепи, — скомандовал Лемке в темноту коридора, где стояли выжившие солдаты. — И, если кто-то из вас ещё заикнется о проклятии или «снежном человеке» — я лично всажу пулю в его пустую башку.

Лемке смотрел, как под грубой тканью брезента проступает острый угол монолита. Под брезентом находился его личный билет в высший слой аненербе. Снаружи, за порогом надоевшей пещеры, завывал ветер.

Лемке зажмурился. Перед глазами всплыл кабинет на Принц-Альбрехт-штрассе. Негромкий, почти деликатный голос Гиммлера. Рейхсфюрер положил на стол тонкую папку, раскрыл и кончиком сухого пальца постучал по размашистой резолюции. Наверное, самый страшный человек в мире.

— Там не просто камень, Лемке. Там — большая надежда фюрера. Если мы доставим его в германскую землю, рейх станет непобедимым. Вы понимаете вес вашей ответственности?

Лемке понимал. Тогда проникся. Но сейчас «вес» перестал быть метафорой. Железные полозья, ранее сваренные ещё в базовом лагере, были под тяжестью добытого куба.

— Натягивайте, свиньи! — взревел унтер-офицер, когда полозья накренились над ледяным козырьком. Куб чуть было не упал. Унтер мечтал скорее свалить отсюда. Спуск был похож

на очень затяжную казнь. Невероятное напряжение всех. Люди работали как выючный скот. Каждый метр давался с невероятным трудом. Солдаты грезил о пиве в тёплом кабаке.

Штеффенберг шел рядом, касаясь рукой бока монолита. Физика было плевать на сорванные спины солдат и на то, сколько их останется к концу миссии. Его интересовала только аккуратность спуска — а куб двигался рывками. Это нервировало.

Спуск занял несколько дней, хотя поднялись к пещере за день.

Внизу, у подножия, ждал «Бюссинг-НАГ». Лемке подошел к кабине и ударил кулаком по водительской дверце. Холодный металл отозвался глухо.

— Грузи. И чтобы ни одной небольшой царапины. Если камень будет поврежден — вы все останетесь здесь кормить этих милых тварей.

Водитель, с красными от недосыпа глазами, лишь уныло кивнул. Миленькое напоминание о твоём месте. Крюком манипулятора зацепил такелаж. Двигатель взвыл, рессоры грузовика просели. Шины с хрустом вдавились в гравий. Куб замер в кузове.

Штурмбанфюрер закрыл глаза, в сухом рту он почувствовал вкус шампанского. Он победил. Почти.

Порт Гвадар встретил их солёным удушьем. Немецкий сухогруз «Равенсбург» стоял у пирса, тяжело осев. Он сорвал график, ожидая секретный груз.

Стальные тросы портового крана натянулись до звона, вытягивая из механизмов надсадный вой. Куб в брезенте медленно поплыл над палубой. Команда поняла, что скоро уйдут в море.

Штеффенберг стоял у самого края люка. Мечта сбывалась. Только бы теперь без происшествий. Солнце жарило затылок, но физика бил озноб. Он не видел порта. Он не слышал ругани матросов и лающих команд Лемке. Его взгляд был прикован к темному монолиту.

«Это не просто камень. Это сгусток энергии», — заиклилось в его голове. Вчера он украдкой поднес к янтарию детектор эфира. Стрелка не просто зашкалила — она замерла в крайней точке шкалы, а потом медленно погнулась. Тонкий алюминий не выдержал. Физика пугал собственный восторг перед этой штукой. Он будто чувствовал, как куб подавляет окружающий мир своей мощью. Все эти идиоты с учёными степенями будут ему завидовать.

Когда монолит опустили в трюм, корабельная палуба под ногами Штеффенберга нервно вздрогнула.

— Осторожнее, идиоты! — выкрикнул физик, его голос сорвался на противный визг.

Матросы презрительно посмотрели на него как на сумасшедшего. Погрузка как погрузка. Чего орать.

Лемке, стоя на мостике, рассматривал грязную пену за бортом. Для штурмбанфюрера это был трофей. Для Берлина — оружие. Для мира станет Рубиконом. Для Штеффенберга же куб стал научным алтарём. В мыслях доктора формулы академической физики рушились песочным замком. Этот янтарь родился не из смолы, а из чистой энергии. Может звёзд?

«Я стану первым, кто заглянет в эту тайну мироздания», — подумал физик, спускаясь по крутому трапу в темноту мрачного трюма. Куб спал внизу. Наконец появилась возможность подумать в тишине. И понять.

«Равенсбург» разрезал серую плоть Индийского океана. Штеффенберг наматывал круги вокруг куба шагами. Сорок семь кругов. Пятьдесят два. Его блокнот для важных записей был девственно чист. Куб молчал. Под брезентом он казался просто огромным куском окаменевшей смолы. Ни свечения, ни вибрации. Никаких признаков функционирования. Только матовая поверхность, когда приоткроешь, поглощала свет слабой лампочки.

— Ну же, заговори со мной, — прошептал физик, коснувшись шершавой ткани. — Ты не можешь быть просто обычным камнем.

Но гладить его он боялся. На всякий случай.

На палубе Лемке курил, прикрывая огонёк вонючей сигареты ладонью от ветра. Солёные брызги обжигали лицо, но мысли его были в далёком кабинете Гиммлера. Он будто снова видел те пожелтевшие листы из секретной папки. Донесение агента «Монах», внедрённого в британскую археологическую миссию еще в тридцать четвёртом: «...местные называют это "Сердцем Окаменевшего Времени". Трое проводников сбежали от ужаса, просто взглянув на него без покрова. Ламы утверждают, что это точка пересечения миров. Тот, кто владеет этим кубом, владеет временем и пространством...»

Гиммлер тогда снял пенсне и посмотрел на Лемке своими колючими глазами:

— Армии выигрывают битвы, штурмбанфюрер. Но такие вещи отменяют необходимость в больших армиях. Вы привезете мне ключ к нашей победе. И для Вас это не только Железный Крест.

Лемке выбросил бычок за борт. Ключ? Какой пафос. Пока что это был просто проклятый груз. Из-за него его люди гибли в снегах от когтей неведомых тварей.

Как всё надоело! Но вроде вышли на финишную прямую. Скорее бы сбросить это бремя на другого глупца.

Судно под ногами дрожало, но несло этот куб к берегам Пруссии. В Кёнигсберге в подвалах старого замка уже готовили большую лабораторию. Штеффенберг внизу снова начал свой круг. Пятьдесят третий. Нервы доктора были на пределе. Он не знал, что в самой глубине монолита крошечный пузырек воздуха на пару миллиметров переместился к центру. Но внешне куб не менялся. Он просто ждал сокращения дистанции к источнику силы до критической отметки. А доктор мотал пятьдесят четвёртый.

Балтийское море встретило «Равенсбург» свинцовой рябью и липким неприятным туманом. Ему было плевать на людские проблемы. Корабль шел уверенно, не зарываясь носом в холодную воду.

Где-то далеко Гиммлер нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

В трюме Штеффенберг сидел на корточках, прижимаясь спиной к холодной стальной переборке. Он не спал уже давно. Все мысли были связаны только с его великим будущим открытием. Взгляд физика не отрывался от монолита. На краях брезента проступила странная, сизая изморозь. И это в тёплом трюме. Она не таяла от жара лампы, а при прикосновении ощущалась как колючий песок. Физик соскрёб немного этого налёта ногтем и поднес к карманной лупе. Странно. Структура напоминала микроскопические правильные шестигранные соты. Всё больше и больше вопросов. И ни одного ответа.

— Он просыпается, — прохрипел он, во рту появилась какая-то горечь. — Он чувствует близость своего возрождения.

Наверху Лемке до боли сжимал в руке стакан с дешёвым шнапсом. Уже третий. Его мутило. Не от качки — «Равенсбург» шел необычно слишком устойчиво для осенней Балтики. Его мутило от нахлынувшего непонятного страха. Даже вездесущие чайки трусливо облетали судно по широкой дуге. Они словно наткнулись на невидимую стену. И тут же начинали гадить. Штурмбанфюрер достал из внутреннего кармана листок со схемой нужного причала в Пиллау. Гиммлер ждал в Берлине. Машины в Пруссии уже были высланы. Конвой СС должен был встретить груз прямо у трапа в Пиллау.

Лемке подошел к зеркалу и резко отшатнулся. Его отражение дёрнулось на долю секунды позже него самого. В этом микроскопическом зазоре между движением оригинала и его копией в зеркале Лемке увидел не себя, а пустую ужасающую тёмную оболочку. Он моргнул, и всё вернулось в норму. Холодный пот пропитал воротник рубашки. Штурмбанфюрер хлопнул ещё один стакан.

— Скорее бы берег, — процедил он сквозь зубы, глядя на стрелку компаса.

Стрелка не указывала на север. Она идиотски медленно описывала круг.

Неожиданно для Лемке куб в Пиллау погрузили на грузовик и перевезли паромом на косу Фрише-Нерунг. Как оказалось, приказ из Берлина.

Грузовик затормозил у свежепокрашенных ворот форта. Кирпично-бетонные сооружения казались вызовом естественным дюнам косы. Лемке вышел из кабины. Солдаты работали только сначала молча, их лица в свете переносных ламп напоминали театральные маски. Чертыхались, и не только. К своему удивлению физик смог расширить словарный запас. Куб перегрузили на снарядную тележку. Монолит медленно покатали вглубь в бывший артиллерийский склад форта.

Штеффенберг следовал за монолитом. Ящики вдоль стен содрогались, когда платформа проезжала мимо. В зале физик велел остановиться. Когда тяжёлая дверь затворилась, тишина стала осязаемой.

Всем стало не по себе.

— Оставьте нас, — бросил Лемке офицерам охраны.

Непонятная тревога переполняла него. Рука сама невольно потянулась к краю брезента. Было интересно, всё ли хорошо с кубом. Резкое движение — и грубая ткань упала на пол, громко шурша.

Янтарный монолит стоял в центре зала. Его грани теперь не поглощали свет. Они его преломляли. На стенах причудливые, движущиеся тени оживляли мрачную обстановку. Штеффенберг подошел вплотную, его зрачки расширились. Он увидел, что внутри куба пульсирует некая геометрическая структура. Это будто была не материя, а фантазия создателя, пойманная в ловушку.

— Вы осознаёте? — прошептал ученый. — Мы наконец сможем провести все исследования. По итогу нас ждёт великое открытие.

Лемке хотел ответить, но слова не находились. Он посмотрел на свои часы: стрелки уныло стояли на месте. Артефакт начал обживать новое пространство. Старые законы этого мира больше не имели здесь обычной силы.

Лемке остановился посреди угрюмого зала. Ну вот, теперь эта тюрьма. Вместо берлинского кафе. Эхо его сапог утихло в низких сводах. Он обернулся к Штеффенбергу, посмотрел в глаза. В нем росло раздражение человека, привыкшего к ясным действиям. Штурмбанфюрер сорвал фуражку и вытер вспотевший лоб платком.

— Почему здесь, доктор? — спросил Лемке взволнованным шёпотом. — В Кёнигсберге нас ждали лаборатория университета, комфорт и нормальный свет. Здесь только крысы и плесень. И Гиммлер не оценит это отступление от маршрута.

Штеффенберг даже не взглянул на него. Он водил дрожащими пальцами в нескольких сантиметрах от плоской поверхности монолита. Его лицо в свете неярких лампочек казалось вырезанным из старой доски. Учёный медленно повернул голову, и Лемке увидел в его глазах фанатичный, лихорадочный блеск. Такой обычно предшествует либо великому открытию, либо окончательному безумию. Стало совсем не по себе.

— Гиммлер в курсе. Вы мыслите не теми категориями, штурмбанфюрер, нужно мыслить категориями резонанса, — физик криво усмехнулся. — В глубине этой косы лежит самый большой в мире пласт янтаря. Сотни тысяч тонн окаменевшей крови земли. Вы понимаете? Наш артефакт разбудит огромную энергию. — продолжал физик. Его дыхание на мгновение оставляло на холодном янтаре пятна пара.

— В Тибете он спал, потому что вокруг были только мертвые скалы. Здесь он услышит своих янтарных братьев. Миллионы тонн смолы ответят ему. Мы не просто привезли его в Пруссию, мы положили сердце обратно в грудную клетку. Слушайте.

Лемке невольно затаил дыхание. И тогда он услышал: глубоко под фундаментом форта, там, где соседствовали песок и доисторическая органика, раздался низкий, вибрирующий гул. Это не был звук — это было давление, от которого резко заломило зубы. Монолит в центре зала

вдруг дернулся, на долю миллиметра повернувшись вокруг своей оси. В глубине его медового нутра вспыхнула крошечная горсть злых искр. Она была точной копией созвездия, которого нет на небе этой планеты. Правда люди это не заметили.

Глава 2

Восточная Пруссия 1941-1945 год

Лемке не любил эти старые крепости, холодные и сырые. Форт «Западный» настойчиво вонял водорослями и ржавчиной. Он олицетворял разбитые мечты о Берлине. Под сводами каземата бывший штурмбанфюрер, теперь уже штандартенфюрер, смотрел на куб.

Монолит занимал центр помещения. Он был цвета настоявшегося тёмного мёда. Почти метр в каждом из трёх измерений. Штеффенберг уныло возился с осциллографом. Еле шевелился. Его пальцы дрожали. Физик уже давно недосыпал постоянно.

— Он гудит, Лемке. Слушайте! — громко сказал Штеффенберг. — Ваши ламы хранили не просто непонятный артефакт. Это камертон. Под нами, в линзах реликтового янтаря, просыпается отзыв на его призыв. Когда резонанс эфира возникнет, мы дотянемся до гигантской энергии.

Лемке подошел ближе. На гладкой поверхности куба ни единой царапины. Гиммлер жаждал чуда, ключа к эфиру, а получил лишь проклятую загадку. Штандартенфюрер привычно поправил кобуру. Тяжесть люгера успокаивала, хотя в данном случае свинец его патронов был бесполезен.

Штандартенфюрер понимал, что Берлин пришлет не инспекцию, а зондеркоманду, если в кратчайший срок монолит не выдаст хотя бы начальную порцию контролируемой энергии. Маячившая перспектива приводила в глубокое уныние.

— Берлин не верит в резонанс, доктор. Берлин верит в сроки, — Лемке выделил слово «Берлин», напоминая тем самым всю меру ответственности. — Вчера пришла депеша. Гиммлер спрашивает, почему «мотор богов» до сих пор не питает машины рейха. Вы случайно не слышите приближающийся лязг затворов?

Штеффенберг нервно повернул ручку настройки. На экране осциллографа фигура Лиссажу превратилась в хаотичный клубок. Где-то глубоко раздался гул. Тягучий такой.

— Посмотрите на свои руки, штандартенфюрер, — прошептал физик.

Лемке взглянул. Кожа начала еле-еле фосфоресцировать янтарным светом.

Желтая пыль кружилась в воздухе, складываясь в непонятные объекты. Это не подчинялось законам физики.

Лемке почувствовал, как затылок налился свинцом, когда гул в каземате перешел в свист.

Физик обернулся с искаженным лицом. Он ткнул пальцем в сторону куба. В его прозрачной глубине показались мутные всполохи. Лемке подошел вплотную к кубу и ощутил запах озона и вроде бы смолы.

— Монолит не выдает энергию, Лемке, он ее потребляет, — голос Штеффенберга сорвался на хрип. — Мы привезли из Тибета не батарейку. Сейчас под всей Косой начинает ворочаться то, что спало со времен палеозоя. Пласты янтаря косы черпают энергию эфира и транслируют ее в монолит.

Штандартенфюрер вытащил из кармана серебряные часы. Стрелки привычно застыли, хотя пружина была заведена до упора. Воздух в радиусе трёх метров от монолита стал вязким. Каждое движение требовало невероятных усилий воли. Лемке вспомнил слова тибетского монаха о том, что камень нельзя мерить метрами, его нужно мерить веками. Он только сейчас осознал, что Гиммлер в своем оккультном безумии случайно отыскал. Это явно инструмент богов, не предназначенный для человеческих рук.

Внезапно надоевший гул прекратился, сменившись абсолютной тишиной. Было даже слышно, как капля конденсата срывается со свода и со стуком разбивается о грань куба. Лемке внезапно увидел свое отражение в янтарной поверхности. Он был состарившимся, с пустыми глазницами. Конечно, испуганно отшатнулся.

Лемке шагнул к пульту. Штеффенберг не оборачивался. Его затылок был похож на мишень. Штандартенфюрер мысленно выбрал точку прицеливания. Пальцы физика бешено крутили верньеры. Вольтметры лихорадочно дёргали стрелками в красной зоне. Они были не в силах измерить поток непознаваемой энергии.

—Выключи всё это, доктор, или я прекращу твои мучения на этой земле,— голос Лемке прозвучал тускло. Он было потянулся к кобуре, но рука ощущалась чужой, тяжёлой. Монолит за их спинами как будто начал дышать. Это были медленные циклы пульсации, которые безошибочно фиксировал вестибулярный аппарат.

Штеффенберг засмеялся. Это заставило Лемке вздрогнуть. Физик обернулся. Штандартенфюреру почудилось, что в зрачках доктора отражаются не лампы каземата, а чужие, холодные звезды.

—Выключить? Я не в силах это сделать, штандартенфюрер. — слова доктора прозвучали как приговор.

Лемке понял, что монолит не просто нашёл контакт с залежами янтаря под Косой. Он изменяет свое окружение, всю окружающую действительность. Осталось только ждать финала всей этой аферы.

В апреле сорок пятого Красная Армия агрессивно вгрызалась в Кёнигсберг. Воздух над городом наполнился взвесью из кирпичной крошки и копоти. На окраинах проснулись стальные чудовища — 305-миллиметровые гаубицы образца пятнадцатого года. Их притащили из далёких складов спецрезерва как раз для этого финала. Русские расчеты работали молча, слаженно. Казённый с мягким клацаньем принимал в себя стальную тушу снаряда весом в триста семьдесят семь килограммов. Когда звучала команда, земля содрогалась. Ударная волна выбивала остатки стёкол у близлежащих зданий. Барабанные перепонки лопались у неосторожных, не закрывших уши артиллеристов. Снаряд улетал в серое небо с неожиданной лёгкостью. Через несколько секунд горизонт вздувался серым грибом. Бетонные перекрытия фортов кололись, как яичная скорлупа. В небо летели фонтаны пыли и обломков кирпичей.

Штурмовые группы пробирались к проломам в стенах. Огнемётчики короткими перебежками стремились к оголовкам воздухопроводов. Когда пущенная ими струя «коктейля» врывалась в узкое горло вентиляции, она выжигала в помещениях кислород за секунды.

Внизу огонь не выбирал целей. Он просто заполнял собой пространство, превращая закрытые коридоры в раскалённые духовки. Железо плавилось, стекая по стенам чёрными слезами. Те, кто не успел осознать конец, видели лишь ослепительную вспышку. Снаружи гаубицы продолжали свой методичный ритм, сравнивая город с землей. Снаряд за снарядом ложились плотно, до детонации погружаясь полностью в землю как будто гвозди в крышку гроба Германии. А потом в один миг вырывали огромные братские могилы для защитников последнего оплота Пруссии.

Стены форта «Западный» тоже дрожали от взрывов. Со стороны Пиллау гаубицы вели свой методичный обстрел. Лемке стоял возле вздрагивающей стены. Он вспоминал свои несбывшиеся мечты о славе, власти и роскоши...

Штеффенберг стоял на коленях у основания монолита. Он пытался закрепить подрывной заряд. Его стон тонул в грохоте обрушивающихся перекрытий. В соседних помещениях сверху через вентиляционные шахты уже потекли ревушие струи советских огнемётов. Воздух

превращался в раскалённый ад. Доктор бросился к нише в стене, словно там было спасение от огненного океана.

Лемке выхватил люгер. Сухой щелчок выстрела почти не был слышен в хаосе штурма — Штеффенберг просто ткнулся лицом в холодную поверхность стены. Лемке бросился к выходу. Он надеялся проскочить через главную потерну, пока еще был шанс. Штандартенфюрер добежал до входного портала, когда недалеко сдетонировал подрывной заряд, брошенный в вентиляционную шахту.

Ударная волна швырнула штандартенфюрера на куб. Тишина наступила мгновенно, тяжелая и вакуумная. Лемке исчез, растворившись в пространстве, брошенный в неизвестность кубом. Лишь тело Штеффенберга, так и не познавшего такую близкую тайну, смотрело застывшим взглядом на несокрушимый монолит.

Позже над заваленным входом завыл балтийский ветер, заматывая песком следы последнего боя. Он старательно начал прятать форт под ковром из сорняков и морского песка на долгие десятилетия.

В абсолютной темноте замурованного зала куб стоял среди обломков. Он словно терпеливо ожидал того момента, когда случайный искатель приключений потревожит его покой.

Глава 3

Балтийское море 2015 год

Два мотора «Ямаха» за кормой надрывались, пытаясь вбить катер в серую балтийскую воду. Брызги холодили лицо Богдана. Он выжимал из своего кораблика всё, на что способны японские двигатели и гидродинамика корпуса. По пайолу перекатывались тяжёлое снаряжение для дайвинга и пара мешков с янтарным сырцом. Сзади скакал по волнам чёрный силуэт судна преследователей. Янтарная мафия не прощала заходов на свои делянки. Богдан залез не просто в чужой огород. Он наткнулся там на нечто, не поддающееся простой оценке в каратах. Пуля разбила ветровое стекло. Богдан ещё сильнее сжал штурвал. Он проклинал тот вечер, когда за бутылкой коньяка выложил профессору истории сведения об обнаруженном им заваленном секторе форта «Западный». Бывший диверсант привык доверять людям науки. Однако старик оказался слишком болтлив или слишком напуган. Теперь за Богданом шёл хвост из подонков, для которых человеческая жизнь стоила дешевле мешочка мелкой янтарной крошки. Перед глазами же всё ещё стоял тот янтарный куб из форта. Он не был похож на обычный самородок. Казалось застывший свет заперт в капсуле древнего бога. А размеры просто поражали. Ветер со стороны Балтийска нес запах солянки и грозы. Небо слилось с морем в единую серую стену. Богдан понимал, что на открытой воде его достанут быстро. У преследователей катер был мощнее. Единственным шансом оставалось скрыться в лабиринтах форта на Балтийской косе. Он сбросил газ, закладывая крутой вираж. Борт черпнул холодной воды. Богдан направил катер туда, где среди дюн чернели останки немецких укреплений. «Дурак ты, Богдан, ведь старлей запаса, а ведёшь себя как пацан», — зло подумал он. Сердце колотилось в такт ударам корпуса о волну. В голове пульсировала напыщенная фраза профессора о «механизме древних». Он тогда посмеялся. Сейчас, когда преследователи начали сокращать дистанцию, было не смешно. Впереди показался пролом в бетонном моле. Богдан понял, что, либо он нырнет в эту щель, либо его катер превратится в решето под огнем. Куб ждал там, в темноте разрушенного форта, который защищал от моря этот самый мол.

Богдан резко рванул рычаг, сбрасывая ход до малого. Катер, зарывшись носом в массивную прибрежную волну, тяжело качнулся. Руки работали на автоматических навыках, вбитых годами службы в ПДСС: застегнуть фастекс компенсатора, открыть кран на баллоне, закинуть его за спину, натянуть маску. Катер преследователей за кормой вырос, обрастая деталями. Звук форсированных движков перекрывал стон ветра. Времени нет.

Штурвал заклинен куском верёвки, пустая посуда пошла прямиком на каменистую отмель. Не оглядываясь Богдан перевалился через борт. Ледяная балтийская вода обожгла лицо. Мгновенно ушли головы лишние мысли, оставляя только рефлекс диверсанта. Свинец грузового пояса привычно потянул вниз. Над головой пронёсся катер, уходящий вслед за приманкой.

Море приняло его упруго в свои объятия, лишая возможности что-либо слышать. Кроме стука собственного сердца. А теперь еще и видеть, ведь включенный фонарь мог и выдать. Богдан с трудом ориентировался по подводной части мола, двигаясь к знакомой дыре в стене форта. Нащупав запомнившиеся куски торчащей арматуры, он с трудом протиснулся в отверстие дренажного тоннеля, ведущего внутрь форта. Добравшись наконец до помещения, где был воздух, Богдан с наслаждением стянул маску и смог вздохнуть без загубника.

Богдан выбрался на бетонный уступ. Откуда-то из глубины форта донесся топот берцев. Преследователи оказались быстрее, чем он рассчитывал. Да, мафия не жалела денег на бывших спецов с военным опытом.

Первый вынырнул внезапно, пройдя маршрутом Богдана. Однако кулак Богдана встретил его челюсть раньше, чем зрачки успели адаптироваться к полумраку. Следующий удар

в висок оборвал карьеру бандита. Тело в гидрокостюме обмякло, сползая обратно в мутную жижу. Второй пытался вскинуть «Витязь». Богдан ударил на опережение — локоть в кадык. Следом захват и резкий рывок шеи в сторону. Готов. Богдан вырвал автомат из пальцев мертвеца и нащупал на его разгрузке тяжёлое яйцо гранаты РГД-5. В этот момент из дальнего конца коридора ударил сноп света мощного фонаря. Раздалась очередь. Бетонная крошка брызнула ему в лицо. «Работаем!» — донеслось эхо выкрика. Их было как минимум четверо. Они зажимали его в угол, методично отсекая пути к отступлению. Остался один выход. Богдан не хотел этого делать — старый форт и так дышал на ладан. Но выбора не осталось: пули свистели в сантиметрах от головы. Он выдернул чеку, выдержал две секунды и швырнул гранату под ноги наступающим. Взрыв в замкнутом пространстве каземата прозвучал как удар колокола, раскалывающего мир. Весь южный коридор форта «Западный» содрогнулся. Многотонные бетонные плиты, подточенные солью и временем, начали обвалью складываться внутрь. Выход и те, кто пытался в него ворваться, были замурованы.

Богдан попятился. Воздух превратился в серую взвесь, где луч фонаря беспомощно исчезал. Он прошел в тот самый каземат, где стоял янтарный монолит. Богдан ещё никак не мог остановить спринтерский рывок разогнавшегося сердца, и шаг его был неуверенным. Стопа скользнула по склизкому бетону, зацепившись за что-то сухое и ломкое. Белое ребро скелета хрустнуло под весом гостя. Потеряв равновесие, он упал вперед, выставив руки, чтобы не расшибить лоб об острый угол монолита. Богдан навалился на гладкую грань.

Ладони, содранные о бетон и покрытые кровью, опёрлись на янтарную поверхность. Она мгновенно стала тёплой. Гул в ушах сменился звоном. Под пальцами Богдана показались алые вспышки: камень распознал его ДНК. Машина, дремавшая столько лет в ожидании именно такого контакта, узнала хозяина. Она идентифицировала единственную заложенную тысячелетия назад программу при таком эмоциональном всплеске: эвакуация.

Мир вокруг Богдана просто исчез. Тяжёлый бетон форта превратился в прозрачную пыль. Пыль испарилась. Его швырнуло, лишив веса и опоры. В следующее мгновение он уже нёсся сквозь ослепительный тоннель. Стены состояли из чистого света. Трофейный автомат на ремне пытался рассыпаться на атомы, он с трудом выдерживал переход в иное измерение.

В этом сверкающем коридоре не было верха и низа. Монолит, ставший теперь проводником, забросил его сквозь пространство. Казались несуществующими заваленный форт и балтийские мафиози. Он нёсся туда, где история Земли была лишь страницей в многотомной летописи вселенной. Богдан закричал, но звука не было — только свет был вокруг, без воздуха.

Глава 4

Фаэтон 100 веков до нашей эры.

Богдан очутился рядом с близнецом янтарного монолита. Просто охреневший от произошедшего перемещения. Жадно вдохнул. Эфирный сгусток еще секунду удерживал его тело в парящем состоянии. Но вот поле исчезло, а он упал на колени. Голова гудела как колокол. Воздух здесь был сухим и обжигающе холодным. Пахло чем-то приторно сладким. Это совсем не похоже на запахи сырых казематов форта.

— Кто еси ты? — Резкий окрик заставил Богдана поднять голову. Перед ним, держа в руке то ли массивный посох, то ли копьё, замерла девушка. Она была похожа на героиню компьютерной игры. Такая необычная и прекрасная. Её глаза, огромные и чуть испуганные, как бы светились в полумраке зала фиолетом. На ней была вроде бы броня из матовых пластин. Это одеяние слегка вибрировало в унисон с затихающим гулом монолита.

Неимоверно болела голова. Богдан попытался что-то сказать, но вырвался лишь хрип. Темпоральный дрейф выжал из него все силы. Остались лишь рефлексы бойца, как у боксёра после нокаута. Он потянулся к кобуре, а её не было. Ткань гидрокостюма оплавилась по краям, превратившись в блестящую корочку. Девушка отшатнулась, её посох загудел, став готовым для атаки. Внезапно она замерла, глядя на верхнюю грань монолита. Там пульсировали руна «якоря» и руна многотысячелетнего временного сдвига. Эта картина невероятно поразила её. Многотысячелетнего!

Богдан смотрел на неё зачарованно. Иррациональная симметрия её черт и эта странная, архаичная речь рождали лёгкий восторг в его душе. Даже голове стало полегче. Всё вокруг казалось странным и ненастоящим. А вот жар, исходящий от этой девушки, ощущался реально. Она опустила своё оружие, осторожно приблизилась к пришельцу. Её лицо выражало смесь благоговения и ужаса перед тем, что нарушило законы Ордена. На её глазах произошло невероятное.

— Пришел ты из „тишины“, из мира того, что мнили мы лишь преданием отцов наших, — прошептала она, — Устройство моё настроено было на связь с братом своим на Земле. Но ты не един из атлантов. И как ты прошел через бездну лет, странниче? Мы, противники Гула, умеем перемещаться лишь в пространстве. Тайны времени были сожжены Жрецами еще до великого Гула. В очах твоих — заря грядущего, коей ещё не зрел Фаэтон.

Богдан с трудом слотнул противную сухость. Фаэтон! Ни хрена себе. Неужели та самая планета из забытых легенд?

Он посмотрел на неё и почувствовал, что в груди появилась незнакомая доселе тяга. Это был не животный инстинкт, а узнавание своей половинки на духовном уровне. Казалось его душа наконец-то нашла гармоничный отзвук именно в этой женщине. Он хотел сказать, что он всего лишь бедолага, оказавшийся в непонятном месте. Но его красноречию не было возможности проявиться сейчас. Слова застряли в горле, вытесненные её близостью и странным, вибрирующим теплом её кожи.

— Не мучай глас свой, странниче, — девушка мягко коснулась его плеча. По телу будто прошел разряд, инициировавший дрожь в его мышцах. — Ты на Фаэтоне, что ныне стал клеткой. Орден Чистоты сковал наш мир великим Гулом, и ныне всяк живущий здесь — лишь струна в их руках. Мы, искры мятежных Атлантов, стремимся к тишине. Однако жрецы слышат каждый наш вздох через эфирное море.

Богдан зачарованно слушал её голос, похожий на перебор струн. Из её трудно понимаемых фраз перед ним начал проступать облик этого мира. Он узнал, что на Фаэтоне есть гигантские резонаторы. Они извлекают энергию эфира прямо из пространства вселенной. Она питает все машины и приспособления на этой планете. Но за право жить здесь люди платят отказом

от своей воли. Жрецы, захватившие власть над «узлами» силы, превратили города в тюрьмы. Каждый гражданин обязан синхронизировать свою жизнь с общим ритмом, становясь частью безликой массы.

Она объяснила, что её сподвижники, Диссонанты, — это те, кто сопротивляется эфирному гнёту. Они жаждут «тишины» и свободы от эфирного контроля. Мятежники Атланты когда-то бежали на Землю, спасаясь от преследования жрецов. Они тайно отправили на космическом корабле оставшиеся от предков машины-монолиты на Землю. Затем с помощью этих машин будущие жители Атлантиды массово переселились. Однако знания о перемещении между временами были выжжены Техно-Инквизицией. Современные люди умели лишь прыгать между точками одной реальности, не зная, как их «якоря» способны дотянуться до будущего и прошлого. И не могли прыгнуть за пределы Земли и Фаэтона, ибо не знали как. И появление Богдана из будущего стало шоком. Это может изменить всё. Эола (так оказалось зовут незнакомку) была агентом атлантов. Её машина была согласована с машиной на Земле. Эту земную машину атланты перенесли в Азию из Атлантиды, расширяя свои владения на Земле. Необходимо теперь известить атлантов о том, что машина стала работать во времени.

Она рассказала о «Мёртвых зонах», где не работает никакая эфирная техника. О том, как Орден карает за «Ересь Шума» — попытку создать эфирный генератор, не подконтрольный Жрецам. Богдан подумал, что его случайное появление — это вероятно не просто эпизод. Возможно будущий излом истории планеты. Он может разрушить оковы Фаэтона. Или, что вероятнее всего, стать поводом для Инквизиции, которая окончательно зачистит остатки мятежников. В её глазах он видел энтузиазм бунтаря. Была там и надежда увидевшего шанс человека.

Эола замолчала. В этой паузе Богдан почувствовал тяжесть ситуации. На Фаэтоне небо не бывает синим. Оно отливает цветом перегретого нихрома, будто исчерченное сеткой силовых линий. Они гудят в голове каждого горожанина. Здесь нет понятия «тишина», а только понятие Гул.

Жизнь в городах подчинена законам жрецов. Каждое утро гражданин подносит свое запястье к терминалу «Благодати». Биоритмический сканер на запястье согласуется с эфирной накачкой, которая содержит текущий код синхронизации. Этот сканер работает еще и как универсальный врач и настройщик организма. Он поддерживает нужный тонус всех органов. За тысячи лет организмы людей разучились саморегулироваться. Опоздание на секунду — и твои мышцы может свести судорогой. Только получивший вовремя актуальный код не мучается сбоями в организме.

Жрецы называют это «Благодатью Потока». Однако Эола видела, как в стерильных парках люди замирают в едином такте синхронизации. Это даже не было намеком на Благодать. Они не смеются — смех забыт. Они не плачут — слезы ничего не меняют.

Эола поведала, что пищу получают только послушные жрецам. На Фаэтоне нет сельского хозяйства в его понимании. Растения в оранжереях — это биомеханизмы. Они растут, только если жрецы направляют к ним эфирный поток. Если жрецы недовольны сектором, они просто отключают эфир от сектора. И урожай погибает за одну ночь. Голод там приходит сразу. И люди вынуждены подчиняться ради жизни.

В «Мёртвых зонах», куда бегут Диссонанты, мир выглядит иначе. Это дикие хребты, где эфирное поле минимально. Оно сконцентрировано за счет резонаторов в городах. В этих зонах техника не работает. Эола рассказывала о лагерях мятежников. Не получившие код сканеры становятся бесполезными. Люди учатся заново владеть своими сердцами, заставляя их биться самостоятельно. Сбои идут во всех органах. Это больно. Это похоже на то, как если бы ты всю жизнь ходил на костылях, а потом они пропали. Там растут живые растения, дающие пищу, это спасение для людей. А физический труд по возделыванию полей постепенно возвращает людям смысл жизни и здоровье. Техно-Инквизиция патрулирует границы зон на грави-платформах и

машинах-амфибиях. Они используют «Шумоподавители» — излучатели убивающей энергии. Они вводят клетки мятежника в разрушительный резонанс. Человек мгновенно умирает.

— Устройство мое zde — Эола, указав на янтарный монолит, посмотрела на Богдана. В её зрачках он увидел отражение куба, — се единый вздох в мире, иже разучился дышати. Но Орден уже наводит радары своя на след наш. Чуют бо они сквозящий ветр из Земли.

История поражала. Сотни тысяч лет назад Фаэтон не был клеткой. Он был вокзалом. Предки, скользнувшие сюда из глубин космоса, принесли с собой технологию. Их невероятная техническая магия превращала желание в материю. Они не строили города. Они умели выращивать их из эфира, как кристаллы. Это была архитектура чистого восторга. Фантазии становились явью.

Это была эпоха Великого Потока. Машины-монолиты стояли на каждом перекрестке. Любому обывателю нужно было просто сделать шаг и оказаться на кольцах Сатурна или на планете-истоке эпохи «до». Абсолютно везде и всегда, где стояли такие же машины. Весь Млечный Путь был усеян этими машинами. Хочешь в центр галактики, да как к соседу в гости на чай. Хочешь к предкам, не вопрос. Время для них стало плоским, как лист бумаги, который можно сложить в любом месте. Прокалывая его машины соединяли любые точки времени и вселенной по кратчайшему и мгновенному пути. Перенос в пространстве и времени был мгновенным и безопасным. Люди Фаэтона изнежились в этой власти над бесконечностью. Человеческая воля атрофировалась за ненужностью, растворившись в неге автоматического рая. Они забыли, как держать в руках что-то тяжелее бокала с любимым напитком.

Жрецы выросли в тени этих самых дарующих невероятные возможности машин. Фанатики, отринувшие восторг свободного полёта во времени и пространстве. Те, кто называл себя «Хранителями Чистоты», видели в универсальном доступе к абсолютной свободе лишь энтропию духа. Они стали искать пути к борьбе с этим. Пока народ нежился в восторге от всевластия над вселенной, Жрецы изучали чертежи и инструкции. Они поняли, что тот, кто контролирует машины, контролирует цивилизацию. Захватить власть оказалось просто. Постепенно хоть не каждый жрец стал оператором машин, но каждый оператор уже был жрецом.

Революция была тихой, как выдох. В один день — день «Великого Согласования» — Жрецы просто изменили базовую настройку машин. Машины, не знавшие ограничений, вдруг потребовали код. Те, кто привык перемещаться щелчком пальцев, оказались заперты в своих спальнях. Они стали отрезаны от звезд и друг от друга. Жрецы объявили это «исцелением от хаоса». Люди с недоумением пытались бороться с нахлынувшей скукой. Но ничто не могло заменить ушедшую эйфорию от всевластия над вселенной.

Затем пришел огонь. Сотни тысяч носителей информации были уничтожены. Библиотеки с инструкциями, схемы резонансных контуров и навигационные карты временных маяков превращались в серый пепел. Из миллионов открытыми машинами путей во Вселенной Техно-Инквизиция оставила лишь один — ведущий к трону Верховного Жреца.

Они накинули на крылья кандалы. Тех, кто помнил, как пользоваться «якорями», объявили еретиками и стерли из памяти мира.

Остатки древних знаний превратились в сказки, которыми Жрецы пугали детей. Путешествия во времени стали «преступлением против вечности». Уцелевшие машины были объявлены священными артефактами. К машинам было разрешено прикасаться лишь избранным. Цивилизация богов добровольно надела ошейник, чтобы не чувствовать головокружения от безграничной свободы.

Богдан изумленно слушал историю этого невероятного мира. Он начал понимать, что его родная цивилизация лишь одна из безграничных вероятностей вселенной.

Богдан заговорил, и его голос казался чужеродным в идеальной акустике зала. Он рассказывал о мире, где воздух отдает смогом. Там нет эфирных механизмов. Города из бетона и стали не резонируют с планетой. Они просто стоят, мёртвые и тяжелые. Люди живут, самосто-

ятельно борясь с болезнями и прочими неприятностями. Эола слушала, подавшись вперед. В её зрачках отражался ужас и восхищение. Такой мир сложно было представить. Она не понимала цивилизацию, выбравшую «тишину» ценой забвения своих истоков.

— Неужто братия наша, на Землю ушедшая, вовсе глас крови отринула? — Эола коснулась его руки. — Скажи, странниче, потомки Атлантов... Хранят ли они великое созвучие? Ведают ли они, как власти камением. Повелевать, дабы пространство разверзлось? Или они стали немыми, аки прах под стопами Жрецов?

Богдан хотел ответить ей, что его мир почти забыл даже само слово «Атлантида». Почти никто не верил в её существование в прошлом. История её превратилась в легенду для подростков.

Но в этот миг вибрация пола сменилась нарастающей дробью. Богдан напрягся. Воздух в зале будто закипел. Массивная перегородка просто испарилась в вспышке аннигиляции. В проломе возникли фигуры в зеркальной броне — Техно-Инквизиторы. Их шлемы напоминали морды хищных зверей. В руках вторгшихся гудели посохи-резонаторы как у Эолы.

— Ересь Шума обнаружена! — Громкий голос ударил по ушам Богдана. — Гнилое семя Земли осквернило узел! Уничтожить диссонантов!

Эола вскочила, её посох вспыхнул оранжевым. Вокруг них образовалась защитная мерцающая стена. Богдан видел, как поле Инквизиторов старательно сминает эту оборону. Мерцание угасало. Ситуация становилась все хуже. Солдаты Жрецов двигались в резком ритме. Эта картина пыталась подавить волю и заставить сердце Богдана биться в испуганном темпе. Не тут-то было. Мышцы сработали быстрее мыслей. Он перехватил Эолу за талию, увлек её за колонну. Вовремя. Поток энергии чуть не бросил их в небытие.

Богдан рванулся к месту своего падения, где темнел угловатый силуэт «Витязя». Оружие выжило, однако внешне оно странно изменилось. Металл ствола пошел радужными разводами, а пластик приклада стал прозрачным. Некогда рассматривать. Привычный вес оружия дал уверенность.

Первый же нажатый спуск отозвался привычным грохотом выстрелов. Наконец-то Богдан оказался в своей стихии. Пули с воем вгрызались в зеркальные щиты Инквизиторов. Это заставляло их сбиваться с шага. Они впервые встретили такое оружие.

Ритм Жрецов дрогнул. Хаос земного оружия не подчинился законам гармонии Фаэтона. Он внес в их жизнь ту самую «Ересь Шума», которой они так боялись. Богдан стрелял короткими очередями. Автомат в его руках буквально стонал. Он как будто осознавал, что вместе с последними патронами уходит его значимость в этом мире. И он замолкнет навечно.

— Бежим туда, Богдан! — Эола рванула его за плечо. Она указала на узкий проход за колонной.

Очередная вспышка лизнула колонну над их головами. Она превратила гранит в дымящую кашу. Богдан понял, что его «Витязь» пуст. Он швырнул ставшее бесполезным железо под ноги наступающим солдатам. Подхватив Эолу, он нырнул в темноту прохода. Теперь только скорость могла спасти их.

Гул погони сменился сухим, прерывистым стрекотом. Это на охоту вышли Механические Ищейки. Этакое твари, похожие на гончих из тёмного металла. Они не использовали зрение. Они улавливали биение живого сердца. Если оно не было синхронизировано с ритмом городского эталона, то становилось объектом для уничтожения. Богдан чувствовал, как зловещая вибрация металла пола отдаётся в зубах. Мышцы землянина расслабились, готовясь к взрывным действиям в рукопашной схватке. Ищейки приближались. Создаваемая ими вибрация становилась всё громче и настойчивее. Сейчас он примет бой. Но тут Эола дёрнула его за руку.

— Теперь только в Мёртвую зону, — прошептала девушка. Она потащила Богдана в узкий зев коридора. Стены были покрыты пылью. — Там их чувства ослепнут, но и сила моего жезла иссякнет. Мы станем просто плотью в царстве тишины. Быстрее.

Они нырнули за тяжелую дверь. В ту же секунду мир затих. Эола бежала впереди по слабоосвещённому коридору, Богдан не отставал. Сзади слышался цокот ног ищеек.

Как оказалось, здание было на краю города. И это был, наверное, единственный шанс уцелеть.

Они выскочили из затхлого прохода. Внизу, в каменном русле, лениво двигалась река. Вода в ней отливала непонятным блеском и пахла преотвратно. У берега было нечто, отдаленно похожее на катер: кусок сосиски, с плоскими краями. Эола прыгнула первой. Её ноги соскользнули по серому борту, но она удержалась. Богдан рухнул следом. Основание под ногами отозвалось глухим шумом. Ни штурвала, ни рычагов. Зато есть тусклая мембрана на предположительной панели управления. Девушка накрыла её ладонью, расставив пальцы. Катер пулей рванул с места.

За спиной раздался сухой щелчок. Вода позади катера вспучилась серым горбом. Обстреливают. Это из ниоткуда выскочила патрульная машина инквизиции. Амфибия догоняла. Борт посудыны мелко завибрировал, пол под ногами стал горячим. Двигатель похоже на пределе. Эола не оборачивалась. Её пальцы вдавливались в мембрану управления.

Странно, но Богдан думал не о погоне. Мысли упрямо цеплялись за дурацкое воспоминание из прошлой жизни: как на Балтике, во время марш-броска, у него порвалась лапа. И инструктор-садист заставил его плыть полкилометра с ножом в зубах. Тогда тоже накрывало безысходностью.

Второй удар пришелся прямо под катер. Его подбросило. Звук разрывающейся обшивки напомнил Богдану хруст раздавливаемого ореха. Нос судна резко задрался кверху, а корма начала стремительно наполняться. Река Фазтона жрала свою добычу. Эола коротко вскрикнула.

Богдан не размышлял. Тренировки инструктора-садиста не подвели. Решение пришло за доли секунды. Он перехватил Эолу поперек живота, сильно прижал к себе.

— Вдохни, — скомандовал он в самое ухо.

Она послушно сделала глубокий вдох. Жаль только, что не в курсе про гипервентиляцию. Они погрузились под воду вместе с обломками.

Мир мгновенно сузился. Вода Фазтона оказалась далеко не питьевой. Она сразу же принялась выжигать слизистую глаз. Плевать. Лёгкие требовали кислорода, но сознание оставалось чистым. Он поднырнул, прижав Эолу к себе, под подплывшую инквизиторскую амфибию, избегая встречи с победно бурлящими винтами.

Они вынырнули возле дальнего борта вражеской машины, в мёртвой зоне обзора. Оставив девушку в воде, Богдан пошел в атаку. Тело само взметнулось вверх, влетая в кабину амфибии-кабриолета.

Инквизитор на корме даже не повернулся. Он теребил излучатель. Богдан прыгнул со спины. Без предупреждения. Без ярости. Перебил шейный позвонок. Быстро и эффективно. Как учили.

Второй патрульный, сидевший за пультом, успел вскинуть свой излучатель, но Богдан уже перехватил обмякшее тело первого и использовал его как щит. Энергетический импульс вонзился в мёртвую плоть. Запахло жареным. Одним рывком Богдан сократил дистанцию. Удар локтем снизу-вверх пришёлся точно в челюсть. Раздался стук зубов. Инквизитор отлетел на приборную панель, заливая её голубой кровью. Дайверский нож закончил дело и вернулся отдыхать в свои ножны на ноге Богдана.

Богдан тяжело дышал, держась за окровавленный поручень. Речная вода медленно стекала с одежды Богдана. Схватив Эолу за руку, вытащил её из воды. Испуганная происходящим девушка всё же была поражена скоростью ликвидации патруля. Настал её черед решать проблемы. Взяв управление, она направила машину к Мёртвой зоне.

Кабриолет ткнулся носом в береговую кромку и завяз в густой массе. Богдан первым перевалился через борт. Ноги ушли в маслянистый ил. Он тут же облепил щиколотки холодными манжетами. Эола сошла следом. Её пальцы все ещё дрожали от пережитого напряжения. Идти было тяжело.

Они не разговаривали. Лишние звуки здесь казались опасными. Ну как открытый огонь на складе с порохом. Впереди, сразу за полосой чахлового кустарника, начиналась Мёртвая зона. Граница между упорядоченным безумием Жрецов и тишиной. Воздух здесь менялся. Он становился сухим, с отчетливым привкусом перца.

— Туда всегда было нельзя, — почти одними губами произнесла Эола. Она остановилась у невидимой черты, где серый мох сменялся зелёной травой. — Там нет эфира.

Богдан хмуро всматривался в марево.

— Там, где твои жрецы не видят эфира, я не вижу свидетелей. Двигайся в моем темпе. Не отставай.

Движение было сначала затруднено. Эола с трудом воспринимала отсутствие эфира. Но потом приспособилась.

Горизонт тонул в мрачной, неподвижной дымке. Из неё торчал силуэт огромного ангара. Его стены, сложенные из тусклых плит, местами просели. Ангар словно пытался защититься торчащими рваными кусками арматуры. Время и местная атмосфера не пожалели металл, превратив его в подобие изъеденного червями пенёк. Строение казалось мёртвым уже много веков. Может просто притворялось таким. Они подходили к ангару со стороны глухого торца. Старательно прятались в рваных тенях, которые отбрасывали обломки каких-то древних конструкций. Под ногами хрустело. Это был не песок — мелкие, спекшиеся стеклянные шарики. Явно результат какого-то древнего термического удара или старта ракеты. Каждое движение отзывалось в ушах Богдана раздражающим шорохом. Оглянувшись, он увидел вдали скачущих ищеек. Форсировали всё же реку.

А вот и дверь. Они попали в абсолютно тёмный коридор. В этой абсолютной тьме они осознали, что Ищейки замерли снаружи. Догнали, гадины.

Богдан прижал Эолу к себе. Несмотря на сложность ситуации, в душе стало тепло. Он почувствовал, как её тело дрожит. Для неё, рождённой в окружении сконцентрированного эфира, эта тишина как удушье. Она знала про эту дорогу, но впервые ступила на неё. Для него же это отсутствие эфира не представляло ничего особенного. Он нащупал в кармане старую бензиновую зажигалку. Примитивный механизм, не знающий эфира. Чиркнувший кремь родил чудо. Крохотный огонёк выхватил из мрака её лицо. Оно было полно первобытного ужаса перед безмолвием.

— Это и есть свобода, Эола, — тихо произнес Богдан. Его голос прозвучал по-настоящему спокойно. — Здесь жрецы не слышат нас. Здесь мы — это просто самостоятельные живые существа. И живём по законам мироздания. Не по законам жрецов.

Эола посмотрела на пламя. В её глазах страх начал сменяться изумлением. Она впервые видела такой послушный огонь. Фазтонка поняла, что этот пришелец из будущего принес с собой не только «шум». У него был ключ к существованию вне диктатуры Ордена. И скорее всего не один. Это рождало веру в удачный исход. Но радость была недолгой. Из темноты, куда не достигал свет зажигалки, донёсся мерный скрежет металла о металл. Ищейки!

Богдан приложил палец к губам Эолы. Её дыхание прерывисто билось о его ладонь. В этой Мёртвой зоне она полностью положила на нового знакомого.

Они двинулись на еле видимый лучик света. Богдан вел её за руку. Лучик привел их к массивной круглой двери. Она была покрыта слоем ржавчины толщиной в палец. Это был шлюз стартовой площадки древнего ангара. Именно отсюда мятежники когда-то совершили свой безумный прыжок. Дверь была слегка приоткрыта. Это дало беглецам шанс найти правильный путь благодаря фотонной нити Ариадны, струившейся из щели.

— Се есть ковчег исхода... — выдохнула Эола, и в её голосе прорезались слезы. — Деды наши сказывали, что здесь Ковчег. Жрецы хотели запечатать врата. Они прокляли это место как исток великой Ереси.

Богдан осмотрел шлюз. Он понял, что Атланты не просто бежали на Землю. Они оставили здесь «чёрный ход».

Внезапно сзади, у самого входа, вспыхнули огни. Ищейки начали медленно входить. Они давно адаптировали свои цепи к отсутствию внешней подпитки. Программа перевела их в автономный режим. У беглецов оставались считанные секунды, прежде чем стальные псы Ордена учуют тепло их тел. Богдан упёрся плечом в рычаг шлюза. Чувствовалось, как скрипит старое железо. Сухожилия в его плечах натянулись до предела. Они были готовы лопнуть под отпором этой преграды.

Богдан рванул рычаг, но ржавая железяка издевательски взвизгнула. Усилия сдвинули дверь всего на дециметр. Перспектива свободы становилась все более эфемерной. Сзади тьма ожила. Ищейки догнали. Их глаза-сенсоры вспыхнули тусклым багрянцем. Они обнаружили беглецов. Первая тварь сорвалась в рывок, громко стуча суставчатыми лапами по металлическому полу. Она превратилась в размытую тень.

В руку привычно лег нож. Богдан, сделав шаг в сторону, воткнул нож между шейных пластин пролетавшей мимо твари.

Металл скрежетнул по металлу, посыпались искры. Из порезанной о пластины руки хлынула кровь. Тварь забилась в конвульсиях, разбрызгивая черную, маслянистую жидкость. Удачно попал. Богдан вскочил, нанося хлесткий удар ногой в морду второй ищейке. Она уже заходила с фланга, однако удар сбил её с ног. Тварь застряла в каких-то конструкциях у стены. Наука Фунакоси не прошла даром. Каратист, убивавший быков, создал инструмент к победе и здесь. Мышцы землянина, не скованные частотным контролем Ордена, работали на пределе человеческой физиологии. Эта планета тысячелетиями не видела взрывную мощь человека, для которого рукопашная схватка была нормой, а не ересью.

— Тяни дверь! — его крик утонул в скрипе повреждённых механизмов гончих. Третья ищейка вцепилась ему в плечо. Она прокусила остатки неопрена и впилась в плоть. Но Богдан даже не вскрикнул. Наотмашь махнув рукой, он раздробил её осязательный блок стеклобоем на торце рукоятки ножа. Гадина потеряла цель. Он чувствовал запах металла и собственной крови. Это был бой на истощение. Закончатся раньше силы у землянина или закончатся твари с Фазтона.

За спиной раздался тяжёлый лязг. Эола, вложив в рывок всё свое отчаяние, сорвала дверь с застывшего положения. Отверстие шлюза начало медленно раскрываться. С той стороны хлынул поток прохладного воздуха. Богдан, отбросив последнюю ищейку мощным толчком, прыгнул назад. Он рванул в расширяющуюся щель, увлекая за собой Эолу.

Шлюз захлопнулся за ними в тот самый миг, когда челюсти четвёртой гончей клацнули в сантиметре от него. Слабый свет аварийных ламп снова дал возможность нормально видеть. Внутри помещения воцарилась иная тишина — не вакуумная, как в зоне. Эта тишина не абсолютная, а живая, наполненная едва слышным шёпотом древних систем жизнеобеспечения. Перед ними в центре огромного ангара возвышался Ковчег. Гладкая, обтекаемая форма, не знающая излишеств жрецов. Космический скиталец давно ушедших поколений.

Беглецы распахнули приоткрытый люк Ковчега и протиснулись внутрь. Богдан прижал ладонь к раненому плечу. Липкая кровь пропитывала неопрен. Он обвел взглядом чрево Ковчега. Здесь не было привычных рычагов. Не было светящихся рун Фазтона. Стены отсвечивали тусклым графитом. Они поглощали скудный дежурный свет. В центре каюты на невысоком постаменте лежал предмет, похожий на кристалл. Его грани были испещрены тончайшей резьбой — не символами, а строгими линиями чертежей.

— Сие есть Память Ушедших, — прошептала Эола. Она благоговейно коснулась поверхности кристалла кончиками пальцев. В ту же секунду над постаментом развернулось трёхмерное марево, сотканное из мириад искр. В воздухе возник одетый в грубую ткань мужской силуэт. Одежда напоминала льняные рубахи славянских воинов, но с ремнями угадывавшейся навороченной разгрузки поверх плеч. Его голос звучал хрипло. Явственно слышались характерные интонации человека, привыкшего руководить.

— Аще зришь сие, значит, ковчег вернулся в родную гавань, — произнес призрак. Язык Фаэтона становился привычным Богдану. — Мы, Первые Мятежники, уходим в тишину Земли. Но знайте: мы не бросили вас. Мы оставили потомкам Код Грозы. Чтобы разбудить Ковчег и снести шпильи жрецов, нужно запустить Разобщение. Ищите узел эфира в основании Ковчега — там, где сталь встречается с камнем.

Богдан всмотрелся в призрачные схемы. Они мелькали в глубине проекции. В этот момент его разум подвергся наплыву какой-то неведомой силы. Пришло понимание структуры городов, работы механизмов корабля. Вот это подарок от первых мятежников – почти мгновенное обучение! Схемы были руководством по диверсии планетарного масштаба. Мятежники не просто бежали, они подготовили план. Чтобы кто-то из их потомков вернулся и перерезал эфирную «пуповину», на которой держалась власть Ордена. Он понял, что его «Витязь» был детской игрушкой. Он как укус комара. Несравним с тем разрушительным процессом, который мог запустить этот древний корабль.

Эола смотрела на Богдана с надеждой. Для неё он был тем самым «Потомком», о котором недавно пророчествовал кристалл. А Богдан же анализировал в этот момент потенциал для боя. Он смотрел на карту уязвимостей Фаэтона. Каждый город имел критическую точку. Удар по такой точке вызвал бы каскадное обрушение городской энергосистемы. Тишина, как в Мёртвой зоне, распространилась бы на всю планету. Результаты этого просто непредсказуемы. Мир мог рухнуть.

Богдан с силой сжал раненное плечо. Больно. Его кровь стекала по пальцам. Эола достала откуда-то мазь и подобие бинтов. Нежно обработала рану и перевязала. Боль всё ещё не утихла. Но эти мелочи схватки не могли отвлечь его от нахлынувших мыслей. Было кое-что более важное. Он не был палачом, а был солдатом. Память о невинных погибших в его прошлом не давала покоя. Солдат знает разницу между хирургическим ударом для победы и ковровой бомбардировкой для уничтожения. «Код Грозы» в его руках был детонатором, который спровоцирует обвальный процесс. В результате инициированного обрушения энергетики Фаэтон превратится в ледяной склеп. Миллиарды синхронизированных сердец просто собьются в одночасье без эфирной подпитки. Оранжереи опустеют. И миллионы могут умереть.

— Эола, если я нажму «Разобщение» сейчас, все города останутся без эфирного потока, — Богдан указал на мерцающую точку в центре схемы. — Твои люди, Синхронизированные, те, кто привык к Гулу как к воздуху, могут не выдержать. Их сердца просто остановятся. Еды не будет. Мы не можем разорвать созданный симбиоз. Надо дать им шанс научиться дышать самим. Это наш долг.

Эола посмотрела на него с непониманием. Борьба в ее сознании всегда была абсолютной. Либо Гул, либо Тишина. А Богдан осознавал то, чего не познала она. Ведь её не коснулся поток информации из послания предков. Знание древних все объясняло. Ковчег не был просто убийным оружием, он был мощнейшим ретранслятором широкого спектра. Если перенастроить его поле, можно было не обрушить сеть, а постепенно «понизить поток эфира». Это даст людям время на адаптацию, прежде чем окончательно разомкнуть цепь Ордена.

— Подобаает нам дойти до срединного созвучия Ковчега в основании, — Эола осознала его мысль. — Туда, где отступники оставили узел эфира. Аще вспомогу я силе своей чрез жезл мой, сотворим мы преграду крепкую. Не погубим мы Фаэтон, но погрузим его в сон инобытный. И мы изменим мир, доколе Жрецы будут гадать, отчего глас их колебаться начал.

Они двинулись вниз по узкому трапу. Пахло необычно. Стены Ковчега здесь были из светлого металла. Богдан чувствовал, как под ногами вибрирует тело корабля. Это заставляло волноваться. В самом низу, за массивной плитой из черного металла, гудело нечто огромное. Сердце корабля ждало касания того, кто не боится Диссонанса.

Внезапно корпус Ковчега содрогнулся от мощного удара снаружи. Ищейки были лишь авангардом. Сверху, из облаков Мёртвой зоны, Орден начал спускать Тяжёлых Певцов. Это был элитный карательный отряд, способный осуществлять ультразвуковое воздействие даже там, где эфир мёртв. Они создавали небольшое своё эфирное поле. Тяжёлые Певцы наверху уже начали свою песню. Корпус Ковчега отозвался стонущим звуком, от которого у Богдана закровоточили уши. Это был резонансный резак — Певцы не собирались деликатно вскрывать замок. Они выжигали саму материю корабля, направляя на структуру стали частоту распада.

—Скорее берись за резонатор и громко пой в себе —сказала девушка. Она, бледная как саван, вогнала излучатель своего резонатора в гнездо узла эфира. Её тело выгнулось дугой от проходящей через него энергии. Богдан схватился за посох. Его диверсантская выучка и земная ярость стали тем самым «грязным шумом», который должен был отравить идеальную систему Жрецов.

Он не пел. Он вспоминал грохот взрывающихся гранат, скрежет металла о бетон и гнев балтийского шторма. Этот первобытный, нестройный поток энергии хлынул через резонатор Эолы в самое ядро Ковчега. Предоставленный хаос промодулировал поле излучателя Ковчега. В стройном эфирном поле Певцов наступил сбой. Снаружи прекратили свою работу жреческие бойцы. Их выверенная атака захлебнулась, столкнувшись с потоком энергии Ковчега. Он нарушил работу боевого резонатора. И не только. Мощное излучение Ковчега охватило всю планету.

— Работа всех эфирных машин жрецов замедлилась... Гул стихает... — прохрипела Эола, оседая на пол, но не выпуская резонатор из рук. Богдан видел на мониторах, как золотистая сеть городов Фаэтона на мгновение подёрнулась рябью. Затем она начала медленно тускнеть, переходя из яростного янтарного в спокойный серый цвет. Это не была смерть, это был глубокий наркоз. Орден лишился своей власти над нервами граждан. Его монополия на ритм рассыпалась. Фаэтонцы оказались в оглушительной, непривычной тишине. Неожиданно стабильный жреческий мир рухнул. Но эфир ещё питал технику. Однако воздействие на людей кратко уменьшилось.

Снаружи Ковчега Тяжёлые Певцы упали вместе со своими резонаторами, превратившись в обычных людей в неподъёмных доспехах. Богдан медленно разжал руки. В груди впервые за всё время наступил покой. Он посмотрел на Эолу. Она дышала тяжело, в её радостных глазах было осознание свершившегося фиаско жрецов. Но надо было действовать дальше.

Беглецы поднялись в каюту управления кораблем. Внезапно снизу Ковчега, из того самого места, где «сталь встречается с камнем», донесся новый звук. Это не был Гул. Это был мерный, спокойный ритм запускающихся двигателей. Древний корабль Атлантов, разбуженный новыми хозяевами, начал готовиться к своему очередному рейду.

Мозг корабля просчитал дальнейшие возможные действия. Он начал прогревать и тестировать давно не работавшие механизмы. Навигационная карта на стене Ковчега вспыхнула. Она прокладывала маршрут не к городам Фаэтона, а в глубокий космос. К той самой точке, куда Земля неслась сквозь Солнечную систему, и которая могла стать местом встречи с Ковчегом, если Ковчег начнет свой путь сейчас. Корабль ждал команду стартовать. Но у людей были иные планы.

Эола активировала внешние сенсоры Ковчега и подключилась к системам наблюдения в городах. На обзорных экранах рубки проступила панорама городов Фаэтона. Золотистая сеть антенн городов пульсировала в конвульсиях поломки. Из нижних ярусов зданий уже начали выбегать группы Диссонантов. Это был не бунт, это был внезапный сдвиг сознания. Богдан

видел, как Жрецы беспомощно вскидывают жезлы. Зря, ведь те превратились в бесполезные куски металла. И Жрецам приходилось бежать.

— Код Грозы — это не только Разобшение, — Эола подошла к навигационной панели, и её пальцы уверенно заскользили по кристаллам памяти. — Здесь есть протокол «Глас Народа». Мы можем транслировать твои чувства, Богдан, твоё желание к сопротивлению через все узлы планеты. Мы сделаем так, чтобы каждый Диссонант воспринял твою волю к свободе. Они поймут, что время синхронизации окончено.

Жрецы контролировали ментальное поле народа, наполняя его фоном пассивности. Сейчас этот фон пропал. Ковчег, подключившись к жреческим механизмам контроля, стал транслировать в ментальное поле мятежный гнев Богдана. И все жители Фаэтона встрепенулись.

Эола накрыла ладони Богдана своими, и он почувствовал, как холодная поверхность пульта под его пальцами вдруг стала податливой, почти живой.

— Не ищи рычагов, Богдан, — её голос зазвучал уверенно. — Корабль не механизм, он — продолжение твоей воли. Он зрит то, что зришь ты. Закрой очи и возжелай оказаться там, где пульсирует гордыня жрецов. Твоё желание — его задача, твоя цель — его курс».

Богдан зажмурился, и в ту же секунду карта на экране вспыхнула, впитывая в себя его мысли. Представление о Центральном Узле, которое Эола расшифровала из древних хроник, вдруг обрело объём, цвет и форму. Он мысленно толкнул Ковчег вперед. Этот Левиафан отозвался мгновенно, совершив рывок.

Это было странное, ликующее чувство. Богдан не управлял машиной, он был этой машиной. Его желание «переместиться» отозвалось в недрах Ковчега яростным гулом генераторов. Для проверки контроля бросил Ковчег вверх, вниз, вправо и влево. Мысль «ниже, к самой террасе» заставила многотонную махину нырнуть в узкое ущелье между башнями-резонаторами хищной птицей. Эола поставляла поток образов, высвечивая здания и приоритетные пути на мониторе перед новым капитаном корабля. Она говорила о «тихих гаванях» в эфире, через которые Богдан прокладывал путь своим воображением. В душе землянина бушевал невероятный восторг от этого полёта.

Ковчег шёл сквозь атмосферу планеты, подчиняясь не нажатию кнопок, а чётким, коротким приказам спецназовца: «Обход слева. Выше на два корпуса». Но и мозг корабля отработывал маршрут, делая безопасные манёвры. Богдан будто чувствовал, как раскаляется обшивка корабля. Он слился с Ковчегом, корпус его словно был его собственной кожей. Он вывел Ковчег на финишную прямую. Перед внутренним взором Богдана во весь рост встал Тронный Зал — цель, которую он уже «держал» за горло силой своей мысли. Именно там всё должно закончиться. Сегодня.

Эола посмотрела на него с благоговением. Человек из будущего, не знавший эфира, сумел оседлать древнюю машину Атлантов. Он добился этого одной лишь волей к победе. Хотя и мозгами тоже.

Богдан застыл. Внутри него возникло опасение, что не справится. Это был рейд, к которому судьба его готовила всю жизнь на Балтике. Однако теперь масштаб был планетарным. Вместо гранат и калаша у него в руках была энергия самой вселенной, вырванная из рук жрецов.

Над Фаэтоном вставало багровое солнце. Впервые за сотни тысяч лет его лучи не преломлялись через частотные фильтры. Ковчег всплыл среди шпилей Ордена Чистоты, как чёрная субмарина из бездны. Богдан сидел в кресле капитана рядом с Эолой. Он приготовился дать очередной аккорд этой ошеломляющей войны.

Богдан не собирался взывать к переговорам тех, кто веками искоренял волю из людей. Знал: пока у Инквизиции есть машины для контроля мозгов, любая вроде бы завоёванная свобода — лишь обман. Он выбрал тактику молниеносного разгрома, нацелив атаку Ковчега на

башни Лабораторий Резонанса. Они возвышались над городом, как костяные иглы. Напоминали хищные когти.

— Эола, забудь про вещание. Проповеди не работают на тех, кто привык к эфирному рабству, — Богдан захотел увеличить скорость, и древний корабль отозвался басовитым рыком двигателей.

— Мы вырвем когти этому режиму. Сначала мы превратим их оружие в ничто.

Ковчег шел низко. И атаковал со средней дистанции. Ближайшая лаборатория — «Благодать Фаэтона» — вспыхнула мгновенно, когда Богдан активировал импульс Разобщения в узком луче. Зеркальные стены здания просто рассыпались. Стекло пылью погребла под собой сотни излучателей и их операторов.

На мониторах Ковчега, это выглядело как стремительная операция. Возникла вспышка, схлопывание здания. Инквизиторы пытались выставить защитное поле. Усилия их были напрасны, наталкиваясь на хаотичную пульсацию поля Ковчега. Богдан видел на экране, как из дверей соседних зданий высыпают люди. Их лица впервые озарила дикая радость освобождения.

— Зри, Богдан! Они пробуждаются! — Эола указывала на монитор, где толпа Диссонантов уже врвалась в здание Ордена. Они крушили входные двери и охранников, используя обломки конструкций как дубины. — Глас Грозы дошел до людей. Оковы инквизиции слабеют.

Последний оплот жрецов — Центральный Узел Инквизиции возвышался далеко впереди. Богдан со слов Эолы знал, что именно там находятся основные узлы управления планетарными машинами. Но было еще более опасное применение этого основного центра управления планетой. Операторы инквизиции могут начать перестраивать главный резонатор планеты на самоуничтожение. Предпочитая превратить Фаэтон в пепел, чем отдать её «шуму». А чего ещё ждать от фанатиков? Нужно торопиться.

Землянин бросил корабль к главной цели. Через десяток секунд Богдан сбросил тягу, включил торможение. Ковчег, взревев тормозными двигателями, завис в метре от церемониальной террасы Центрального Узла. Землянин хотел не просто снести здание — он хотел, чтобы Жрецы осознали своё поражение. Да и обычное любопытство гнало его внутрь. Богдан сорвал с крепления трофейный излучатель. Спрыгнул с корабля на поверхность. Он приблизился к группе Диссонантов. Их глаза горели лихорадочным блеском. Богдан без особых объяснений заявил удивлённым его видом фаэтонцам:

— Я помогу вам освободиться. Никаких переговоров. Только борьба до победы. Пора избавиться от жрецов.

Эола шла рядом. Её посох выписывал в воздухе замысловатые дуги, дробя заслоны силовых полей. Диссонанты дружно разделились с почётной охраной главного зала главного здания планеты.

Они вошли в Тронный Зал Чистоты. Сюда стоило заглянуть человеку с забетонированной Земли. Такое сложно было представить. Под куполом из прозрачного хрусталя на парящей платформе восседал Великий Жрец. Его лицо было скрыто маской из серебра. Неестественно тонкие пальцы жреца колдовали над пультом управления. Он пытался восстановить погибающий привычный порядок города. Вокруг него в созданном силовым полем барьере звуки доносились приглушенно.

— Ты прегрешение в уставе. Прах, принесённый ветром вселенским, — внезапно монотонный голос Великого Жреца нарушил тишину. — Разрушил ты согласие вечное ради мига смятения. Свобода твоя — распад есть. Без лада нашего мир сей во хлад и тьму обратится.

Богдан подошел к краю платформы, игнорируя неприятное покалывание в пальцах от защитного поля. Жрец величественно возвышался над всем залом. Пришлось глядеть с низу вверх. Но впечатления раблепного не возникло. Наоборот, весь этот пафос казался бредом. Он посмотрел жрецу в прорези серебряной маски. В его взгляде не было ненависти — скорее

жалость человека, который знал, как рушились империи на Земле. Он знал, что любая «вечность» имеет срок годности. И сейчас похороны именно такой конструкции.

— Мир не остынет, жрец. Он просто начнет дышать сам, без твоих творческих усилий— Богдан вскинул излучатель, целясь в основание пульта. — Мы не нарушение устава мироздания. Мы — его обновление. И первый пункт в нем — уничтожение паразитов вроде тебя.

Жрец в это время наконец осознал ситуацию, которую обрисовала информация на пульте. Полный крах старой многовековой системы управления.

Руки Жреца станцевали на пульте стремительный танец. Хрустальный купол над залом застонал, покрываясь паутиной трещин. Воздух в зале стал мутным, тяжёлым, как расплавленный воск. Богдан почувствовал, как его сознание начинает мутнеть. Оно меркло, вымываемое из тела каким-то внешним воздействием.

Эола упала на колени, прижимая ладони к вискам. Из её ушей тонкими струйками потекла голубая кровь. Великий Жрец возвышался над ними. Он настроился стереть планету в пыль, раз потеряет власть. Эола своим посохом ослабила защитное поле. Богдан стиснул зубы так, что эмаль крошилась. Он из последних сил вогнал ствол излучателя в основание парящей платформы, туда, где пульсировал огромный кристалл резонатора.

— Ты не какой-то бог! — прохрипел Богдан, преодолевая свою слабость. Он активировал излучатель. Белый свет в мгновение ока сменился грязно-рыжим.

Платформа жреца содрогнулась и рухнула. Разрушительная энергия, не найдя выхода, сконцентрировалась внутри резонатора. Раздался звук, похожий на вздох умирающего динозавра. Всё здание Узла вздрогнуло. Купол разлетелся на тысячи осколков. Они рухнули вниз. Превратились в обычную стеклянную крошку.

Тишина, наступившая после взрыва, была пугающей. Богдан отчетливо слышал, как Эола делает судорожный вдох. Великий Жрец лежал в обломках платформы, лишенный апломба и власти, обычный старик с испуганными глазами. Покорёженная маска валялась поодаль. Богдан медленно опустил оружие. Он почувствовал, как его собственное сердце успокаивается, приходя в норму в этом новом, хаотичном мире.

И тут неожиданно раздался смех бывшего диктатора. Замолчав, он, глядя прямо в глаза Богдану и мечтая увидеть в них страх, сказал:

— Тебе, вестнику атлантов, не дано погубить чистоту. Успел я предать огню незримо сокровищницу Фаэтонову, и вскоре земля сия исчезнет. Паче того — к миру земному устремилась ладья небесная, силой эфирной исполненная. И прямо в жилища атлантов. И они также изглажены будут из памяти мира сего навеки.

Богдан понял, что старый псих запустил аннигиляцию планеты. Осознал, что времени на разговоры нет и действовать надо быстро. Он схватил Эолу за руку и побежал на Ковчег.

Смех диктатора сухим кашлем трещал за спиной, пока Богдан волок Эолу через залы Узла. Пол уже начал трястись от предсмертной лихорадки планеты. Армейская школа вытеснила всё лишнее: страх, усталость, любовь. Остались только скорость и конечная цель. А это янтарный монолит. Надо переместится на Землю этого времени и инициировать исход атлантов.

Ковчег встретил их открытым пандусом и гулом аварийных систем. Мозг корабля чувствовал, что эфир за стенами превращается в дестабилизированную плазму. Он предпринял меры для молниеносного старта по команде.

— Быстро в кресло! — рявкнул Богдан, прыгая в кресло пилота. Он дал команду Ковчегу. Корабль содрогнулся, отрываясь от поверхности. Снаружи шпили города уже начали осыпаться. Небо Фаэтона становилось маслянисто-черным. Богдан гнал корабль сквозь агонизирующее пространство. Стремился к «якорю» — той самой точке, где стояла машина перемещения Атлантов. Экраны заливало помехами, но сквозь них он увидел, как с планеты уходит «ладья». Этот ослепительный сгусток жреческой ненависти, направленный в поселение атлан-

тов на Земле. Диктатор не лгал, и если они не успеют предупредить Атлантиду, её история закончится.

Ковчег пробил крышу здания, в которое так недавно прибыл путешественник с Земли. Он ударился о базальтовые плиты с такой силой, что амортизаторы взвыли. Богдана швырнуло на приборную панель. Снаружи мир Фазтона уже не просто рушился — он выкипал. Не дожидаясь полной остановки, Богдан сорвал фиксатор люка. Он буквально вытолкнул Эолу наружу.

Стремительно отбежав от корабля, Эола и Богдан ворвались в трёхметровый круг возле машины.

— Богдан, машина... она теряет фазировку! — Эола вцепилась в пульт. Руны на монолите предков гасли одна за другой под ударами эфирного шторма. Стены зала начали оплавляться. Мозг переставал воспринимать окружающее, зрение заполняла нестерпимая белизна. В этом ослепительном «нигде» Эола запустила код эвакуации.

Избавление их встретило ударом о бетонный пол и запахом ржавчины. Богдан открыл глаза, щёлкнул зажигалкой и выругался. Он снова был в каземате форта «Западный». Давление воздуха выровнялось с характерным хлопком. Тишину подземелья нарушал мерный стук капель конденсата. 2015 год. Балтийск. Тот самый миг, из которого он стартанул в бездну времен. Теперь рядом с ним на мокром бетоне лежала Эола. Её медная броня казалась нелепой декорацией в этом сером склепе.

Богдан встал, опираясь о стену. Монолит стоял на месте, но он был мёртв. Куб превратился в обычный кусок тёмного камня без единой искры жизни. Богдан понял: они вернулись в «сейчас», а эфирная ладья диктатора неслась к Атлантиде 120 веков назад. Здесь, в двадцать первом веке, у него не было ни единого шанса, чтобы остановить катастрофу прошлого.

Глава 5

Балтийская коса 2015 год

Богдан прижал ладонь к монолиту — камень был мёртв. Ни вибрации эфира, ни малейшего тепла. Только равнодушный холод как и у всего форта «Западный». Тот самый «якорь», который вернул их обратно, закрыл путь в пространстве и времени.

— Она не дышет, — голос Эолы прозвучал тускло. Она сидела на корточках, прижимала пальцы к вискам. — Машина она больше не слышит оной страны.

— Потому что той стороны нет, Эола.

Богдан в сердцах ругнулся. В ушах все еще стоял гул погибающего Фаэтона. Здесь же, в 2015-м, Балтийское море лениво лизало берег косы. Сто двадцать веков истории испарились как не было. Ракета достигла цели. Атлантида растворилась в океане, став мифом. Фаэтон превратился в пояс астероидов, и только астрономы-недоучки будут писать диссертации на тему возникновения этого каменного потока в космосе.

— Вставай. Здесь нельзя оставаться. Скоро будет паром. Пора домой.

Переход через пролив на пароме «Вистула» был похож на бредовый сон. Эола вцепилась в поручень так, что побелели костяшки. Она смотрела на ржавые борта кораблей в порту. Люди в разноцветных пуховиках уткнулись в светящиеся прямоугольники телефонов, а в её глазах застыл первобытный ужас. Для неё это был мир, победивший жрецов — серый, лишенный живой энергии вселенной, забитый шумом моторов.

— Почто вси сии молчат? — шепнула она, когда они сошли на берег в Балтийске. — В главах их пусто есть. Не слышу резонанса.

— Это называется частная жизнь, — Богдан почти тащил её за собой. Эола нелепо смотрелась в накинутой на её плечи куртке. Бывший диверсант снял её в качестве трофея с охотившегося за ним в форте боевика. А то бы у окружающих глаза повылазили от доспехов фаэтона на девушке. — Привыкай.

Дом на Гвардейском бульваре встретил их запахом жареного лука из соседской квартиры. Он угрюмо поприветствовал своего старожила скрипом двери. Богдан провернул ключ. Замок открылся со скрежетом. Он словно сопротивлялся возвращению хозяина из небытия.

Квартира казалась тесной. Богдан осторожно коснулся выключателя. Вспыхнула люстра — три рожка. Эола отпрянула, прикрывая глаза рукой.

— Пленённый свет. Зачем вы храните его в стекле?

— Это просто вольфрамовая нить под напряжением, — Богдан бросил ключи на тумбочку. Звук получился слишком громким. — Садись. На кухне в кране есть вода. Можно напиться.

Он открыл кран. Вода пошла с присвистом, а потом выровнялась в струю. Богдан смотрел, как капли разбиваются о раковину. Там, на Фаэтоне, они решали судьбы миров. Здесь же у него в холодильнике, скорее всего, сдохла пачка творога, оставленная вечность назад. Надо делать ревизию.

Эола подошла к окну. За стеклом, в сумерках, светились огни порта. Становилось тоскливо от этого мрачного пугающего мира. Она приложила ладонь к стеклу — холодному, прозрачному барьеру.

— Оставили мы их, — её голос был лишен эмоций. Это была та самая опасная стадия, когда шок сменяется осознанием. — Бежали мы в сие ничто...

— У нас не было выбора. Машины были завязаны друг на друга. Сработал по умолчанию последний контакт. Мы могли прыгнуть без перенастройки только сюда. А прошлого больше нет, Эола. Оно исчезло вместе с твоим небом.

Он достал из шкафа две чашки. Одна была с отбитой ручкой. Нелепость этой керамики на фоне гибели цивилизации вызвала полное опустошение в душе. Богдан чувствовал, как внутри него что-то безвозвратно деформируется. Он опять подстраивался под этот мир, где время опять течёт только вперед. И здесь их ждало только забвение в хрущёвке на окраине страны.

Она обернулась. В её взгляде, направленном на обычный электрический чайник, было столько отчаяния. Богдану захотелось разбить чайник об стену.

— Се ли есть рай ваш? — спросила она. — Тишина сия и мертвое каминие в стенах? Созидание атлантов?

Богдан промолчал. Он открыл окно. В комнату ворвался сырой ветер с залива. Он принес запах мазута и водорослей. Реальность XXI века не собиралась извиняться за свое несовершенство.

— Атлантида... — Богдан горько усмехнулся, не оборачиваясь. — Ты спрашиваешь про рай, Эола? Его нет. Его не было уже тогда, когда я стартовал с Земли в твой мир.

Он резко повернулся, посмотрел на неё. Она всё еще сжимала край подоконника. Броня на её груди тускло отражала свет неярких лампочек.

— Я хотел сказать тебе там, у монолита. Не успел. Жрецы... они не просто запустили ракету. Они прервали историю Атлантиды. Ваша цивилизация умерла. Фаэтона нет. В моём времени, в этом «сейчас» они забыты. Атлантида и Фаэтон — это сказки для детей и сумасшедших профессоров. Фантазии, пришедшие из древних легенд.

Богдан подошел ближе. Его шаги по старому линолеуму звучали глухо. Заглянул прямо в чарующие глаза.

— Понимаешь? Нас не ждал великий материк бунтарей. Мы не «сбежали к твоему народу». Мы провалились в будущее, где от твоего дома не осталось ничего. Только строчки о вашем вероятном прошлом в сомнительных книгах.

Эола медленно опустила руку. Свет от люстры лег на её лицо резким изломом. Его черты превратились в маску из застывшего камня.

— Значит, созвучие... — она замолчала, ища страшное слово приговора. — Созвучие машин прервано навеки. Нас выбросило сюда, потому что везде — пустота?

— Нас выбросило сюда, потому что это последнее место, с которым была связь твоей машины. — Богдан взял с подоконника пачку сигарет, но тут же смял её в кулаке. — Мы — единственные свидетели катастрофы, которой официально никогда не было.

Он подошел к старому серванту. За стеклом стояла фотография его деда. Тот улыбался, не подозревая, что внук только что притащил в его хрущёвку остатки населения целой планеты.

— Устраивайся, — Богдан кивнул на старый диван, обивка которого помнила еще перестройку. — Это твой новый Фаэтон. С тишиной и видом на порт. И надо переодеться.

Он вытащил из шкафа вещи своей бывшей и протянул Эоле.

В тридцати километрах от Балтийска арендованный сухогруз бодро шел под панамским флагом. В его трюме змеи осциллографов сошли с ума. Именно эта пляска детекторов эфира некоторое время назад заставило начать эту экспедицию к берегам бывшей Восточной Пруссии.

Мистер Грейди, который был нечистыми руками холодных умов, не любил цифру. Цифровое оборудование лжёт. Оно не в состоянии воспринять таинственные энергии древних. Он верил только старым патентам Теслы и пожелтевшим микрофильмам, украденным из архивов Аненербе. На экране монитора на карте Калининградской области пульсировало жирное, багровое пятно.

— Сэр, — сказал оператор, поправляя гарнитуру. — Это сигнал. Прямо в руинах Западного форта. Он совпадает с кёнигсбергским протоколом сорок четвертого. Абсолютно идентичен. Эфирный след очень ярок.

Грейди провел пальцем по шраму на подбородке. Он знал, что нацисты не успели завести тибетскую машину. Красная Армия помешала. Тогда не хватало мощности накачки. Но сейчас кто-то в сырых казематах опять пытается запустить артефакт. Отлично, скоро все разрешится. И никаких долгих поисков.

— Сэр, мощный сигнал пропал, — голос оператора дрогнул, — но сенсоры фиксируют вторичную флуктуацию. Как будто кто-то вынес часть заряда. Слабый эфирный след движется в сторону жилого сектора Балтийска. Направление предположительно — Гвардейский бульвар.

Грейди удовлетворённо хмыкнул. Развитие ситуации ему нравилось. Операция становилась все интереснее. Ничуть не хуже охоты за львами. А он любил привозить трофеи из Африки.

— Делимся. Первая группа — к форту. Оцепить всё, блокировать входы. Зачистить объект и задержать всех. Вторая группа — за следом в Балтийске. Передайте им, чтобы никого не уничтожали. Если там артефакт — оцепить периметр. Если там «оператор» — брать живым. Мне плевать на суверенитет этой территории. Эфир не будет принадлежать русским. Это наш приз. Живо!

Чуть позже в квартире на Гвардейском бульваре Богдан почувствовал странный зуд в зубах. Металлический привкус, знакомый по Фэтону.

Эола замерла посреди комнаты. Она медленно подняла голову. Не прислушивалась ушами, а ощущала кожей.

— Богдане, — её шепот прервал тишину. — Воздух... стал он тяжким. Кто-то ищет что-то в пространстве. Се луч направленный.

— Твою мать, — чуйка подсказала, что это по их душу. Богдан бросился к окну. Глянул, стараясь не высовываться из-за засаленной занавески. — Неужели засекли, а кто?

Внизу среди старых «Жигулей» и мусорных баков припарковался шикарный чёрный минивэн с тонированными стеклами. Двигатель работал почти бесшумно. Богдан видел, как из-под днища вырывается неестественно густой белый пар. Знакомо. Работала система охлаждения для мощной электронной аппаратуры.

— В их мыслях — ненависть, — Эола закрыла глаза. Её лицо исказилось от эфирного давления, несущего фон чувств оператора, — Хуже, чем жрецы. Те хотели власти, эти хотят разломать мир на куски.

Богдан схватил её за руку, увлекая в коридор. Эола успела прихватить свой жезл.

— Быстрее. В гараж. У меня там старая дедовская «Нива». Надо успеть проскочить до того, как они закроют выезды из города.

Снаружи послышался едва уловимый хлопок. Выстрел в оконную щель из пневматического ружья шприцом с транквилизатором. Тщетно. Промах. Стекло в кухонном окне брызнуло мелкими осколками...

Богдан рванул дверь квартиры. С лестничной клетки снизу тянуло незабываемым запахом. Так пахнет профессиональная смазка дорогого тактического оружия.

— За мной, — выдохнул он, хватая Эолу за руку.

Они столкнулись на втором этаже. Двое в одинаковом сером кевларе, с непроницаемыми лицами. В руках — короткие стволы с глушителями. Один вскинул оружие. Богдан тут же ушел с линии огня. Его выучка сработала раньше, чем он успел это осознать.

Он не ударил — он будто выстрелил ногой прямо в цель. Ботинок 44-го размера врезался в колено противника. Сустав разорвался с сухим звуком ломающейся ветки. Несчастный рухнул на лестницу, потеряв автомат и ударившись головой о ступеньку. Второй наёмник попытался ударить по горлу. Богдан впечатал его затылком в бетонную стену. Удар был коротким,

профессиональным, без лишнего пафоса. Голова поцеловалась со стеной. Наёмник сполз вниз. На обшарпанной краске остался тёмный след.

— Богдан, сзади! — крикнула Эола.

Третий вынырнул из тени пролета. Эола не стала ждать. Она сделала шаг вперед. Смертоносной коброй её медный наруч сверкнул в свете подъездной лампы. Наёмник, получив удар в солнечное сплетение, сложился пополам. Это движение выбило из лёгких остатки воздуха. Богдан добавил локтем сверху.

— Бежим! — Богдан перемахнул через перила.

В гаражном боксе было темно и пахло автосервисом. Смесь отработанного масла, бензина и старой ветоши. Старая «Нива» деда стояла печально. Она была похожа на кита, выброшенного на берег. Богдан прыгнул за руль. Стартер взвыл, сопротивляясь. Мотор чихнул и отозвался хриплым, утробным рыком.

— Прыгай! — он толкнул рукой дверь пассажирского сиденья.

Эола втиснулась в небольшой салон. Она с недоумением глянула на приборную панель с её аналоговыми стрелками и облезлым пластиком. «Нива» рванула с места, выбивая ворота гаража. Снаружи их уже ждал чёрный минивэн. Он преграждал выезд на Гвардейский.

— Держись, принцесса Фээтона! — Богдан врубил повышенную передачу. — Сейчас увидишь, как летают русские тракторы.

Машина выскочила на тротуар. Нападавших обдало грязью из-под колес. Богдан вывернул руль, уводя машину во дворы. Он срезал угол детской площадки. Порвал преградившие путь старые бельевые веревки. Вскрикнула отпрянувшая бабка. Сзади послышался визг шин. Преследователи не собирались отставать. Богдан на автомате вёл машину по проверенному эвакуационному пути со сложными препятствиями для чужих. Однако за рулем минивэна сидел профи. Он успешно справлялся с сложным маршрутом.

«Нива» неудачно подпрыгнула на разбитом стыке плит. Эола едва не ударилась головой о низкий потолок. Сзади приближались два диодных прожектора минивэна. Расстояние сокращалось. Движок машины выдавал всё, на что был способен. Нужно было изменить ситуацию.

— Эфирный поток! — Эола перекрикивала рев мотора. — Я чувствую его излучение. Он жжёт мне кожу!

— Сделай что-нибудь! — Богдан выкрутил руль. Удачно ушел от столкновения с мусорным баком. — Иначе они нас просто протаранят!

Эола вытянула из-за спины жезл. В тесноте салона он казался громоздким. Навершие из тусклого кристалла вдруг ожило. Оно будто впитало слабый электрический гул города и яростную вибрацию «Нивы». Воздух внутри машины мгновенно наэлектризовался. Волосы Богдана встали дыбом, а на зубах снова возник тот самый кислый привкус.

— Окно! — крикнула она.

Богдан крутанул ручку стеклоподъемника. Стекло опустилось. Эола выставила жезл наружу. Направив его назад, она запустила неведомый на Земле процесс.

Кристалл в навершии начал раскручивать эфирный вихрь. Это не было похоже на выстрел. Материя перед жезлом сжалась, превращаясь в точку абсолютного напряжения. В ту же секунду из жезла вырвался ослепительный жгут бело-голубой плазмы. Он разорвал невидимый эфирный фон улицы. Высокочастотный разряд нашел канал минимального сопротивления. Он прошел сквозь радиаторную решетку авто преследователей.

Грянул не взрыв, а сухой хлопок. Топливо и масло вспыхнули. Электроника минивэна выгорела в долю секунды. Машина наёмников на полном ходу превратилась в неуправляемый кусок мёртвого железа. Её занесло, одна шина лопнула от резкого перепада давления во время удара. Вэн, кувыркнувшись через капот, с грохотом влупился в бетонный забор. Раздался взрыв, сопровождаемый шикарным фейерверком.

Вспышка была такой силы, что во всем квартале на секунду стал невидимым свет фонарей.

— Твою мать, — выдохнул Богдан, выравнивая «Ниву». — Жаль ты не понимаешь, что завтра это будет во всех новостях. Сваливаем.

Богдан вдавил педаль в пол, уводя машину в сторону лесных просек. Он понимал, что это была только первая фаза. Неизвестные враги очень профессиональны и вооружены. Они точно не остановятся. И судя по всему это была только разведка.

Богдан резко выкрутил руль, уходя с асфальта на разбитую грунтовку. Дорога вела вглубь леса. Ветки хлестали по лобовому стеклу как плети. Сзади, в зеркале заднего вида, зарево в городе медленно тускнело. Слышались вопли сирены. Там уже местная полиция подтягивалась к месту ДТП.

— Мы едем в убежище? — спросила Эола, прижимая жезл к груди. Кристалл в намершии теперь едва тлел. Был похож на остывающий уголь.

— Хуже. В гости к моему деду. Он был тем еще параноиком, — Богдан переключился на пониженную, заставляя «Ниву» карабкаться по песчаному склону. — Служил в комендатуре после войны. Нашел немецкий бункер, о котором не доложил. Решил: «Пусть будет, когда опять начнется заваруха». Похоже, началось. Спасибо, дед.

Бункер прятался под корнями исполинских сосен, замаскированный старым холмом. Местные считали его просто кучей строительного мусора. Тяжёлая стальная дверь, изъеденная ржавчиной, была скрыта ниспадающими ветвями кустарников. Она поддавалась только после того, как Богдан навалился на неё всем весом. Раздался противный скрип. Внутри пахло пыльным бетоном и ржавчиной.

— Здесь нет эфира, — Эола шагнула в темноту. Её голос дрожал от непривычной сенсорной пустоты. — Стены... они из свинца?

— Немцы хранили здесь снаряды. Нужно было избежать статического электричества. Они сделали идеальную клетку Фарадея—замуровали медную сетку в стены. Видимо это экранирует и эфир.

Богдан щелкнул тумблером у старого аккумулятора. Под потолком тускло загорелась лампочка. В углу стояли ящики с тушёнкой 90-х годов, канистры с бензином и допотопная рация.

Эола подошла к стене и коснулась холодного бетона.

— Мир твой прячется в норах, Богдане, — Эола посмотрела на него. В её глазах он увидел отражение того самого отчаяния, которое чувствовал сам. — Жрецов мы победили, но проиграли тишине.

Богдан ничего не ответил. Он достал из заначки бутылку водки, оставленной «на всякий случай». Горлышко тревожно звякнуло о зубы. Огонь прошёл по пищеводу, возвращая его в реальность. Где-то за дверью этого бункера охотники Грейди разворачивали тарелки радаров, пытаясь выудить их из шума города. Эола тоже глотнула из бутылки, не приняв предупреждения Богдана, что не надо этого делать. Выпученные глаза и широко открытый рот Эолы заставили Богдана усмехнуться. Сюрпризы его бытия еще долго будут ошеломлять гостью из другого мира. Долго? Все зависит теперь от него, как долго они оба будут наслаждаться этим миром. Усмешка исчезла.

— Нам нужно понять, как заставить твой жезл не только стрелять, но и слушать, — Богдан протянул ей стакан. — Эти спецы засекли нас. Значит, у них есть эфирные детекторы как у Тесла. И они точно знают, за чем охотятся.

Богдан сидел на низком ящике из-под снарядов, разглядывая свои ладони. Они все еще подрагивали — не от страха, а от избытка адреналина. И он не находил выхода в этом тесном бетонном мешке. Эола замерла в углу. Её силуэт в полумраке казался высеченным греческим скульптором. Она не понимала, что делать. Полагалась теперь только на Богдана.

— На форте они уже, наверное, нарисовались, — негромко произнес Богдан. Он задумчиво глядел в пустоту перед собой.

Он подошел к сейфу в стене. Тот был замаскирован старым плакатом по гражданской обороне. Пальцы привычно набрали код. Внутри лежали не пистолет и не пачки денег. Там находился спутниковый телефон, завернутый в ветошь. Он был старой модели, раритет. Очень тяжёлый, угловатый, с выдвижной антенной-штырем. Вещь, которой никогда не было в гражданском обороте. Надёжная, умели делать раньше для военных.

Богдан нажал кнопку питания. Ничего. Но после замены аккумулятора экран наконец-то загорелся ядовито-зеленым.

— Кому ты хочешь подать знак? — Эола сделала шаг из тени. — Эфир здесь мёртв, не докричится твоя машина.

— Эфир не нужен. У нас всё работает без эфира. Я позвоню человеку, который задолжал мне жизнь под килем норвежского фрегата в девяносто восьмом.

Богдан вышел из бункера и набрал номер.

Длинные гудки резали слух. На седьмом гудке на том конце провода щёлкнуло. Тишина была вкрадчивой. Казалось, можно услышать дыхание и стук сердца собеседника.

— Флагман на связи, — голос был очень сухим, лишенным интонаций. Напомнил скрежет металла по камню. — Линия защищена. Говорите.

— Это Тритон. Привет, командир, — Богдан закрыл глаза. Он вызвал в памяти мутную воду и угрюмый силуэт корпуса судна НАТО. К нему он тогда пристраивал магнитную мину. А в это время Флагман задыхался из-за перебитого шланга подачи смеси. — У меня аномалия в квадрате сорок два. Гражданские, хотя нет, назовем их «зарубежными коллекционерами антиквариата». У них техника, которой не должно быть у простых смертных и оружие.

На том конце воцарилась пауза. Богдан слышал, как Флагман хмыкнул. Он был теперь уже главой особого оперативного отдела. Его название не произносили всуе даже в Генштабе.

— Тритон, привет. Рад тебя слышать, дружище. И что?

— Случайно наши дороги сошлись с этими коллекционерами. Они похоже рыщут в поисках фашистского наследства. Вот и повстречались в Западном форте. Их много, они хорошо вооружены. У меня там огромный кусок янтаря—нужно вытащить. Помогите.

— Слушай меня внимательно, — голос Флагмана стал еще тише. — В город зашли две группы частников под дипломатическим прикрытием. Похоже твои. Мы не можем тронуть их официально. Только если они откроют огонь первыми. Ладно, обсудим. Буду в точке «Тринадцать» через двадцать минут. Но учти, чтобы без подвоха.

Богдан отключил связь и посмотрел на Эолу.

— Собирайся. Идём ва-банк. Мои друзья едут нас спасать. Очень надеюсь. Хотя в этом мире «спасение» часто превращается в конвой.

Флагман приехал на чёрном «Тигре» без номеров. Джип замер у ворот бункера, примяв колесами небольшую берёзку. Бывший командир вышел — массивный, в расстёгнутой куртке. Виднелись лёгкий бронежилет и «Глок» в открытой кобуре. Взгляд его, привыкший сканировать окружающее на предмет угроз, зацепился за Эолу.

Она стояла у «Нивы», кутаясь в поношенную джинсовку бывшей девушки Богдана. Курточка сидела нелепо, рукава были коротки. В сумерках она сошла бы за обычную туристку, если бы не осанка. Выдавала, что не простых кровей. Так не стоят привыкшие к очередям в супермаркетах. За плечом у нее торчал длинный брезентовый чехол от карповых удилиц, в котором уютно спал эфирный жезл. Если бы Флагман только знал, что там!

— Погоня на Гвардейском — твоих рук дело, Тритон? — Флагман протянул руку. — Весь город на ушах. Американцы из «Оптимус» или как их там... кричат о теракте. Говорят, у них сторела вся электроника. Чем ты их приложил? У тебя аппарат РЭБ есть?

— Да у них же отобрал какую-то гранату, а это видать новиночка такая. Сами виноваты. Может и ты наберёшь полезных нашей родине вещей. Ну чтобы не зря. А мне нужно, чтобы ты вышвырнул частников и отдал мой янтарь.

Флагман медленно повернул голову. В его глазах отразился блеск диодных фар «Тигра».

— Ты бредишь. Я не могу отдать тебе то, что было на заинтересовавшей иностранцев территории.

Богдан подошел вплотную. Очень близко. Их плечи почти соприкоснулись.

— Учебное минирование вспомни, — Богдан усмехнулся. Эта усмешка настораживала. — Декабрь, Балтика, видимость — почти ноль. Мы шли под брюхом норвежского фрегата, что зашёл с «визитом вежливости». Ты помнишь, как ходовой винт на скутере перебил шланг твоего октопуса?

Флагман не шелохнулся, но моргнул.

— Ты зацепился баллоном за противоторпедную сеть, — продолжал Богдан, понизив голос до трагического шёпота. — Ты уже начал глотать воду, Флагман. Твои глаза за стеклом маски стали огромными. Как у пойманной рыбы, выброшенной на сушу.

Богдан сделал паузу, давая тишине сделать более яркими воспоминания.

— Я не просто срезал сеть. Я отдал тебе свой загубник. Мы дышали по очереди, пока я тащил твою стокилограммовую тушу вместе со снаряжением триста метров против течения. Все руки ободрал о ракушечник на сваях. Когда мы всплыли у пирса, мои лёгкие жгло. Так, будто в них залили расплавленный металл. Нас точно списали бы в охранники, если бы узнали, что я предпочел вытащить тебя, а не закончить миссию. Да, я нарушил приказ и аварийный протокол. Просто изменил приоритеты. Я не просил ничего у тебя тогда, командир. Я прошу сейчас.

— Тот вдох... я до сих пор помню вкус твоей смеси, Тритон. Резинка с медью. — Флагман медленно выдохнул.

Он задумался на мгновение.

— Забирай свой чёртов янтарь. Считаю, что в тот день под фрегатом ты заработал себе право на одно безумие с моей стороны. Но учти: официально тебя на Западном не было. И этого камня тоже не было в форте никогда.

Флагман долго молчал, глядя на Эолу. Она смотрела в ответ — прямо, не мигая. Словно видела его насквозь, не хуже самого полковника.

— Бандиты, — наконец выдохнул Флагман. — Внедрившаяся ОПГ из Прибалтики, пытавшаяся обчистить старые фашистские склады. Завязалась перестрелка, произошел подрыв неустановленного боеприпаса времён войны. Содержимое помещения уничтожено в результате взрыва. Так я напишу в своём рапорте.

Он достал рацию и нажал тангенту:

— Группе «Сигма». Западный форт. Зачистка полная. Огонь вести на поражение при любом сопротивлении. Гражданских нет. Работаем жёстко.

Флагман посмотрел на Богдана. Обречённо вздохнул.

— У тебя есть час, пока мои ребята будут «осматривать место происшествия». Забирайте свой камень и сваливайте. Квиты будем.

Над Балтийской косой висел запах моря и выполнившего свою задачу пороха. Бой в Западном форте закончился очень быстро. «Сигма» Флагмана работала молчаливо, методично грома наёмников Грейди в лабиринтах казематов. Вспышки выстрелов выхватывали из темноты куски ржавой арматуры. Наёмники, привыкшие к своему техническому превосходству, оказались бессильны. У них было мало шансов против тех, кто знал эти бетонные кишки прусских фортов как свои собственные.

Через полчаса к стене форта, переваливаясь на ухабах, подкатил выдавший виды КАМАЗ с манипулятором.

— Быстрее! — Богдан спрыгнул с подножки. — Флагман, дай команду своим, пусть покинут форт.

Бригада грузчиков из шести крепких мужиков в засаленных робах спрыгнула с кузова.

— Это секретный объект Минобороны, — Богдан важно чеканил слова, обращаясь к рабочим. — Делайте работу, получите двойную оплату и забудьте этот день. Трепаться о сегодняшнем дне равно измене родине.

Манипулятор КАМАЗа с трудом сорвал часть треснувшей потолочной плиты, которая оголилась во время обстрела форта в 1945 году.

Грузчики с трудом и матом дотащили монолит, который Богдан закутал в брезент, до пролома в потолке.

Крюк крана с визгом опустился в зал. Накинутые стропы натянулись. Из недр форта медленно начал подниматься янтарный монолит. Он с глухим ударом обосновался в кузове. Флагман, стоявший рядом, молча курил. Полковник наблюдал, как Богдан сам запрыгивает за руль грузовика. Бросив сигарету, Флагман залез в кузов.

Дорога до бункера деда заняла час. Вызванный для спецоперации паром выгрузил машину на дальнем пирсе. Богдан вел машину по памяти, выключив фары и ориентируясь по прибору ночного видения. В кабине рядом с ним сидел Эола. Грузчики и хозяин машины сидели в кузове с завязанными глазами, Флагман присматривал за ними.

В бункер разгрузка прошла в гробовой тишине. Хорошо, что была мощная транспортная тележка. А то бы задача стала невыполнимой. Грузчики под руководством Богдана дотащили монолит в центр бункера. Когда последнее усилие увенчалось успехом, Богдан вывел бригаду обратно к КАМАЗу.

Уже на окраине города Богдан остановил машину. Он по очереди снимал повязки с лиц рабочих. Те щурились от света фар, озираясь.

— Работа принята, — Богдан достал из бардачка толстый конверт. — Здесь расчёт от Правительства РФ за участие в операции. Премии за молчание включены. С этого момента вы нас не видели, машина никуда не ездила, а я — плод вашего воображения. И помните, что язык может до тюрьмы довести.

Мужики быстро пересчитали деньги. Они, не задавая вопросов, растворились в предрасветных сумерках Балтийска. Также бесследно исчезла и машина.

Богдан подошёл к «Тигру», где его ждали Флагман и Эола. Девушка стояла, прислонившись к бронированному борту. Она смотрела на восток, где поднималось холодное солнце её новой планеты.

— Ты получил свой янтарь, Тритон, — Флагман выбросил окурок. — Теперь скажи: что ты собираешься делать с этой дурой в своем подвале? Распилишь и продашь?

Богдан посмотрел на свои руки — они были в машинном масле, камазист плохо следил за чистотой в кабине.

— Не решил пока, — тихо ответил он.

Флагман уехал. Оставил после себя лишь забытый было армейский запах и тяжёлое предчувствие.

Внутри бункера монолит казался инородным телом, вырванным из контекста мироздания. Эола подошла к нему, коснулась ладонью полированного бока. Богдан увидел, как по камню пробежала едва заметная золотистая искра.

— Спит он, Богдане. Тесно ему здесь, — прошептала она. — Затворили мы зверя в клетке.

— Это единственное место, где нас не видят детекторы эфира, — Богдан прикурил, глядя на индикаторы старого генератора. — Сидим тихо. Если америкосы не полные идиоты, они уже поняли, что Флагман играет в свою игру.

В это время на панамском судне Грейди не спал. На столе лежал планшет с фотографией «Тигра» без номеров. Рядом с машиной виднелся смутный силуэт Богдана. Американец прижимал телефон к уху.

— Послушайте, генерал, — голос Грейди был лишен эмоций. В нем угадывалась только холодная коммерческая нотка. — Ваши спецы в Балтийске сожгли оборудование на семь миллионов долларов. Это ведь частная собственность корпорации, работающей по контракту с Вами. Опять же затраты на ликвидированную группу. Мне не простят таких финансовых потерь без полученных результатов.

На другом конце провода послышалось тяжёлое сопение генерала Соболева. Его счёт в кипрском офшоре пополнялся после генеральских услуг Грейди. Он нервно забарабанил костяшками пальцев по столу.

— Грейди, Флагман — отморозок. И он невероятно прикрыт. Негодяй подчиняется напрямую Первому. Я не могу отозвать его группу. Это не в моих силах. Он оформил происшедшее на Балтийской косе как ликвидацию террористов. С полным уничтожением всего, что было в форте.

— Мне плевать на его рапорты, — перебил Грейди. — Оператор зафиксировал перенос объекта. Он не уничтожен, он где-то в городе. Там орудует какой-то бывший боевик. Если вдруг этот артефакт попадет в руки властей, мы потеряем контроль над проектом. А я окончательно потеряю терпение.

Грейди сделал паузу, давая генералу прочувствовать значимость своей угрозы.

— У меня есть запасная «спящая ячейка» в Калининграде. Контрактники, которые не задают вопросов и имеют боевой опыт. Дайте разрешение на «антитеррористическую проверку» гаражей, складов и частных домов в районе Балтийска. Судя по отчётам Аненербе артефакт невозможно поместить в квартиру. Официальный приказ из Москвы за вашей подписью. Иначе завтра ваши транзакции неожиданно станут достоянием общественности.

Через десять минут из принтера Грейди вылез лист с гербовой печатью. Операция «Заслон». Цель операции: изъятие незаконно хранящегося оружия и задержание опасного дезертира. Силы: местные органы полиции и прикомандированная из Москвы спецгруппа.

Богдан проснулся от того, что Эола резко вцепилась в его плечо. Он встревоженно осмотрелся.

— Они идут, — её глаза блеснули в слабо освещённом бункере.

Богдан вскочил, проверил предохранитель сохранившегося с военных времён немецкого автомата. Сверху сквозь вентиляционную шахту донесся тяжёлый гул приближающихся вертолетов. Грейди решил не играть в прятки. Он пришел забирать желаемое под прикрытием чужого государственного флага. Высший пилотаж.

Богдан прижался к стене. Он чувствовал, что по бетону бежит мелкая дрожь.

Снаружи в серой хмари калининградского утра выстраивались цепи. Местная полиция получила задачу от начальства. Она выставила оцепление вокруг Балтийска. А за спинами полицейских, в тени служебных «Газелей» двигались гражданские люди. Это были наёмники Грейди с холодными глазами. Отлично вооруженные, готовые на всё.

— Эфирный фон пуст, сэр, — доложил Грейди по телефону оператор. Он отслеживал ситуацию на мониторе. — Начинаем обход.

Богдан сжал зубы. Система работала против него. Выхода не было.

Но в это время в Москве в роскошном кабинете на Знаменке всё пошло не по плану генерала. На запястьях Соболева защёлкнулись наручники. Оперативники собственной безопасности сработали быстро. Счета на Кипре, связь с Грейди и приказ «Заслон» легли в основу расстрельного дела о госизмене. Пришло время ответить. Генерал пожалел, что не успел приложить своего «макара» к виску.

В Балтийске ситуация неожиданно изменилась.

Рация у капитана полиции из оцепления хрипнула:

— Всем постам! Приказ «Заслон» аннулирован! Все лица в штатском задержать до выяснения! Повторяю, разоружить и задержать!

Капитан замер, медленно повернувшись к наёмнику. Тот среагировал мгновенно. Вместо слов в воздухе раздался выстрел. Полицейский осел на песок, хватаясь за простреленное плечо. Хорошо, что реакция не подвела бывшего боксёра, успел шагнуть в сторону.

— Срываемся! — рявкнул голос в гарнитурах наемников. — Тема закрыта, нас слили! Группа «Зеро», отход к причалу!

Завязалась беспорядочная стрельба. Наёмники прикрывались дымовыми гранатами. Они начали прорываться сквозь опешившее оцепление. У них всегда был запасной план. Богдан слышал из бункера сухую дробь автоматов и крики.

— Они бегут, Богдане, — Эола стояла у монолита. Её рука лежала на тёплом камне. — Тени уходят к воде.

Машина наёмников, изрешечённая пулями, неслась к порту. Там уже ждал катер с заведённым двигателем. Наёмники действовали быстро. Забросали пирс дымовухами. Огрызаясь короткими очередями, они запрыгнули на борт и рванули в открытое море. В сторону нейтральных вод. Там их ждало панамское судно.

Тишина вернулась в Балтийск внезапно. Для полицейских остался запах пороха и горечь поражения. Полиция стягивала силы к порту, вызывая скорые и перекрывая трассы. Однако главная цель была упущена. Впереди маячила смена начальства.

— Похоже, Флагман подсуетился в последний раз, и теперь мы одни, — произнес Богдан, оборачиваясь к Эоле. — Официально мы террористы. Неофициально — владельцы артефакта, за которым придёт следующая партия охотников.

Он зашёл внутрь и запер дверь. Теперь, когда куб был в безопасности, а Флагман зачистил концы, у них оставалось лишь одно: заставить машину заработать.

— Эола, — Богдан посмотрел на янтарный монолит. Тот в тишине бункера начал едва слышно гудеть, входя в резонанс с её жезлом. — Попробуй. Если Атлантида всё ещё достижима, постараемся помочь ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.